

АКАДЕМИК
Е.В.ТАРЛЕ

БОРОДИНО

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

А К А Д Е М И К

Е. В. Т А Р Л Е

Б О Р О Д И Н О

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1962

1812 год. В сражении близ небольшой подмосковной деревушки Бородино было положено начало разгрому армии Наполеона, завоевавшей всю Европу. В предлагаемой читателю работе, принадлежащей перу замечательного советского историка академика Е. В. Тарле, нарисована полная драматизма картина Бородинского сражения. Увлекательно и ярко автор рассказывает о великом подвиге русского народа, поднявшегося против агрессора, посягнувшего на независимость России.

Настоящая брошюра печатается по тексту, впервые опубликованному в XII томе сочинений Е. В. Тарле.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

профессор Л. Г. БЕСКРОВНЫЙ

ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

Бородинская битва навсегда осталась в памяти русского народа как один из великих его подвигов, а во всемирной истории — как одно из самых ярких и могучих наглядных выявлений гигантских нравственных и умственных сил, таящихся в России и с непреодолимой мощью поднимающихся на агрессора и насильника, оскорбляющего русскую честь и покушающегося на целостность и неприкосновенность русского государства.

«Двенадцатый год был великою эпохой в жизни России. По своим следствиям, он был величайшим событием в истории России после царствования Петра Великого. Напряженная борьба насмерть с Наполеоном пробудила дремавшие силы России и заставила ее увидеть в себе силы и средства, которых она дотоле сама в себе не подозревала»¹. Так судил знаменитый русский демократ и революционный мыслитель Белинский.

Вспомним только, каково было соотношение сил между наполеоновской всевропейской империей и Россией в тот момент, когда Наполеон вторгся в русские пределы. Ведь в данном случае приходится считать не только те примерно 600 тысяч вооруженных людей, которых в разное время в 1812 г. Наполеон ввел в Россию, а также и то, что у него было в резерве. В резерве же у него были беспрекословно ему повиновавшиеся силы, стоявшие гарнизонами и в самой Франции, и в Италии, и в германских странах, пря-

мо или если не формально, то фактически ему подчинявшихся (Рейнский союз, Вестфальское королевство его брата Жерома Бонапарта, Саксония — его союзника короля Фридриха-Августа, Бавария — другого его союзника и Польша — «Герцогство варшавское» и т. д.). Наконец, весной 1812 г. французскому императору удалось (без труда) заставить Австрию и тот обрубок территории, который он оставил по Тильзитскому миру Пруссии, вступить с ним в военный договор и обязать их принять участие в готовящемся нападении на Россию. При этом Австрия и Пруссия и сами желали победы Наполеона и ждали от него «великих и богатых милостей», а прусский король, во имя спасения которого от Наполеона русским войскам пришлось в 1806—1807 гг. пролить столько крови, теперь низкопоклонно выпрашивал уже наперед у французского императора русскую Курляндию в случае победы. И войска Австрии и Пруссии принимали затем активное участие в нашествии.

Фактически вся континентальная Европа шла на Россию под водительством замечательнейшего западноевропейского полководца. «Не вся-ль Европа тут была? А чья звезда его вела?» — сказал об этом Пушкин. В «звезду» так долго непобедимого императора верила не только его «старая гвардия», завоевавшая под его начальством впервые Италию и Египет, а потом сокрушившая почти всю Европу, но и широкие слои европейского общества, со страхом следившие за счастливым насильником, за этим сказочным «царем Дадонем», который

«...двадцать целых лет
Не снимал с себя оружия,
Не слезал с коня ретивого,
Всюду пролетал с победою,
Мир крещеный потопил в крови,
Не щадил и некрещеного».

Пушкин под Дадонем понимал тут именно Наполеона. Мало кто верил, что ненасытный завоеватель остановится, пока на континенте Европы существует хоть одна самостоятельная, независимая от его воли держава, — и еще меньше было на Западе тех людей, которые падеялись на то, что Россия устоит в «неравном споре». Материаль-

ное могущество наиболее развитых торгово-промышленных стран континента было также в полном распоряжении Наполеона. Мудрено ли, что Наполеон уже с конца 1810 г. неустанно готовился к нападению и изобретал один предлог за другим, чтобы сделать столкновение совершенно неизбежным. Придирки и провокации Наполеона были так искусственны, так наглы, так кричаще несправедливы, что в самой Франции не только в рабочем классе, но и в буржуазии и даже среди приближенных сановников и генералов, среди любимейших маршалов не могли уразуметь, зачем император так неуклонно стремится создать новую катастрофу, быть может, величайшую из всех, виновником которых он до той поры являлся. В разгаре войны, в Витебске, Наполеону пришлось выслушать от главного интенданта своей армии смелые слова: «Из-за чего ведется эта тяжелая и далекая война? Не только ваши войска, государь, но мы сами тоже не понимаем ни целей, ни необходимости этой войны... Эта война не понятна французам, не популярна во Франции, не *народна*», — так заключил граф Дарю.

Вот с этого и нужно начать, когда мы хотим понять, почему Россия одолела всемогущего врага, почему «равен был неравный спор». В России война стала с начала ее и понятной, и популярной, и *народной* в самом широком, всеобъемлющем смысле слова. Для русского народа сразу же стало святым долгом воевать против вторгшегося насильника и захватчика, которого наш великий фельдмаршал Кутузов уподобил варварскому вождю монголов Чингис-хану. Русские видели неприятельскую орду, опустошающую их страну уже в процессе ведущегося похода, и твердо знали, что если им не удастся отбросить прочь и избавиться от напавшей на них грабительской орды, то им грозит долгое и тяжкое ярмо под пятой иностранного завоевателя. Масса крестьянства очень правильно поняла, что Наполеон решительно не желает даже отдаленно касаться основ крепостного права, но стремится к угнетающей крестьян помещичьей кабале прибавить еще и другую кабалу, исходящую от иноземного захватчика, который без труда сговорится с царем и с помещиками в случае своей победы и сделает царя и помещиков своими, так сказать, управляющими и приказчиками, чтобы прочно держать крестьян в узде. Да и другие классы русского общества

считали для себя гибельным грозившее им экономическое и политическое рабство.

Когда после гибели Смоленска армия Наполеона пошла на Москву уже прямым, безостановочным путем, тогда народное сознание подсказало, что приблизился самый критический момент, что без решительной, отчаянной схватки не обойтись и что во главе армии, которая до сих пор, правда, с героическим сопротивлением наносила врагу порой очень тяжелые удары, но все же принуждена была отступать, должен быть поставлен человек, которому верил бы весь народ, вся армия, потому что только он мог бы пойти на самый грозный риск и на самые неслыханно тяжелые жертвы, ничуть не колебля ни в народной массе, ни в возглавляемом им войске веру в полную необходимость приносимых жертв.

Этим человеком мог быть в тот момент только потерявший в боевых подвигах прежнее здоровье, уже не очень крепкий физически старик с выбитым глазом — Михаил Илларионович Кутузов.

Долгое отступление Барклая обескуражило в армии многих уже давно. После Смоленска ропот и раздражение стали сказываться с невиданной раньше резкостью.

Ермолов считал, еще не зная о состоявшемся 8 августа указе сенату о назначении Кутузова, что Россия находится в самом опасном положении. «Когда гибнет все, когда отечеству грозит не только гром, но и величайшая опасность, там нет ни боязни частной, ни выгод личных», — писал Ермолов Багратиону, умоляя его писать о смене Барклая де Толли. Он писал ему, как человеку, «постигающему ужасное положение», в котором находилась родина. В гневе на отступление Барклая Багратион грозил, что сложит с себя командование 2-й армией. Ермолов умолял его подождать и намекал на давно носившиеся слухи о Кутузове: «Принесите ваше самолюбие в жертву погибающему отечеству нашему... Ожидайте, пока не назначат человека, какого требуют обстоятельства. В обстоятельствах, в которых мы находимся, я на колени умоляю вас, ради бога, ради отечества, писать государю...»². Но такое положение решительно не могло дольше длиться; либо Багратион, либо Барклай, — один из них должен был уйти. «...А ты, мой милый, очень на меня папал и крепко ворчишь! — писал Багратион Ермолову. — Право не хорошо!..

Но что мне писать государю, сам не ведаю... Если написать мне прямо, чтобы дал обеими армиями мне командовать, тогда государь подумает, что я сего ищю не по моим заслугам или талантам, но по единому тщеславию».

Назначение Кутузова главнокомандующим над «всеми армиями» явилось единственным выходом. И Барклай, и Багратион остались на своих местах: Барклай — командующим 1-й армией, Багратион — 2-й, с непосредственным их обоих подчинением верховному главнокомандующему Кутузову. Ликование народной массы выражалось прежде всего петербургским населением. «Народ теснился вокруг почтенного старца, прикасался его платья, умолял его: „Отец наш! Останови лютого врага; низложи змия“». Отъезд Кутузова в армию превратился в «величественное и умилительное шествие»³.

«Вождь спасенья!» — так назвал Кутузова Жуковский в своей «Бородинской годовщине». «Иди, спасай — ты встал и спас!» — так вспоминает Пушкин о том моменте, когда назначенный главнокомандующим Кутузов прибыл 19 августа 1812 г. в Царево-Займище к ожидавшей его армии и, при нескончаемых кликах восторга и пламенных изъявлениях преданности и любви, воспринял верховное главнокомандование.

Буквально с первых же дней своего верховного командования Кутузов не только решил дать неприятелю «генеральное сражение», но уже торопился, призывая командующих отдельными, бывшими «на отлете» от главной армии, армиями Чичагова, Тормасова и Витгенштейна, сообщить первым двум о своем намерении. О Кутузове в старой дворянско-буржуазной литературе (даже в тех случаях, когда его заслуг не преуменьшали умышленно) говорили, что под Бородином он «оказался» на высоте, — на самом же деле он обнаружил себя первоклассным стратегом задолго до Бородина в войнах, где он командовал, и ему и его армии удалось сделать и после Бородина то, что никому в Европе не удавалось сделать: своим зрело обдуманным и гениально подготовленным и осуществленным контрнаступлением разгромить Наполеона и нанести хищнической колоссальной империи вторгшегося захватчика непоправимый, смертельный удар. Таким образом, Бородино является не единственным подвигом Кутузова как стратега и тактика, а лишь одним, правда, имевшим исклю-

Читательное, мировое значение в цепи великих достижений кутузовского полководческого искусства. И армия, которую повел Кутузов к Бородину, была достойна своего вождя. Сознание, что пришел час решительной борьбы за спасение родины от вторгшегося в ее пределы и ведущего истинно разбойничью войну врага, законнейшее, справедливейшее чувство мести и отпора насильнику, и убеждение, что пришел, наконец, час решающей боевой ошибки, которого так долго ждали, о котором с таким нетерпением мечтали во время долгого отступления от начала войны, — все это сделало то, что на военном языке называется «босвой моралью» войск, ставших перед Наполеоном силой несокрушимой. Вера русской армии в старого фельдмаршала, в его доблесть, в его высокие таланты, в его верность отечеству, сыном которого он являлся, — та вера, которой не было у солдат к предшественнику Кутузова, одушевляла армию. Барклай, конечно, не был никогда «изменником», как говорили тогда некоторые его враги, — но что поделаешь! Ничего даже отдаленно похожего на то чувство, которое, что называется, горами двигает, Барклай к себе никогда возбудить не мог. Да и никто из людей, из которых должно было найти преемника Барклаю, вообще не мог в этом равняться с Кутузовым.

В литературе о 1812 г. ставился вопрос о том, имел ли в виду Кутузов перед Бородинским сражением возможность оставления Москвы? На этот вопрос должно дать решительно отрицательный ответ. Ни малейших данных, которые давали бы право предполагать это, у нас нет. Ставится и другой вопрос: собирался ли Кутузов дать после Бородина другое сражение перед Москвой. Здесь есть указания, дающие право предполагать, что перед окончательным решением, состоявшимся на совете в Филях, Кутузов очень разносторонне обдумывал эту проблему. «Дай пульс, ты нездоров!» — сказал он Ермолову совсем незадолго до совета в Филях, когда Алексей Петрович высказал мысль, что придется отступить «за Москву». Есть и еще аналогичные высказывания Кутузова. Что Кутузов учитывал Бородино, как русскую победу, хоть и дорого доставшуюся, и что он в течение вечерних и ночных часов (до двенадцатого часа ночи с 26 на 27 августа) считал вполне для себя мыслимым возобновить утром битву, это мы знаем очень хорошо. То, что последовало во время марша к

Москве, ничуть не могло поколебать убеждения Кутузова в возможности, при желании, принять повоый (хотя и с неизбежным риском) бой. Но для русского полководца окончательно выяснилось, что время будет работать не на французов, а на русских, и кутузовская мысль, «что дело идет не о славах, выигранных только баталий, но вся цель... устремлена на истребление французской армии», в конце концов возобладала окончательно⁴. Даже «выигранная баталия» перед воротами Москвы не в состоянии была бы никак решить ту задачу (полного истребления наполеоновской армии), которую в будущем могло решить (и решило!) предстоящее предварительно хорошо подготовленное, непрерывное контрнаступление.

В донесении от 21 августа Кутузов сообщает царю о двух важных новостях: во-первых, к нему подошел корпус Милорадовича и, во-вторых, он ждет на «завтра», т. е. на 22 августа (3 сентября) московское ополчение. Это доводило численность русских войск, поступавших в распоряжение Кутузова, к моменту предполагаемого сражения примерно до 120 тысяч человек. 22, 23 и 24 августа (3, 4 и 5 сентября) Кутузов в сопровождении большой свиты осматривал позиции русских и французских войск и распоряжался укреплением Шевардина и отдачей приказов о сражении у созданного Шевардинского редута, где он решил замедлить движение неприятеля к левому флангу. А 24 августа (5 сентября) продиктовал и подписал диспозицию к предстоящему бою. Все силы, подведенные к Бородину и непосредственно участвовавшие в бою, кроме резервов, делились на две армии: 1-ю под начальством Барклая де Толли и 2-ю под начальством Багратиона. Обоим этим главнокомандующим армиями [Кутузов] давал широкую самостоятельность: «Не в состоянии будучи находиться во время действий на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность... главнокомандующих армиями и... предоставляю им делать соображения...». Выражая твердую надежду на «храбрость и неустрашимость русских воинов», Кутузов говорил, что в случае «счастливого отпора» неприятелю возникнет необходимость дать и новые повеления для преследования его, которые и будут тогда своевременно даны.

Но тут же Кутузов внушительно напоминает Багратиону и Барклаю о глубокой серьезности начинающегося

великого столкновения: «При сем случае неизлишним почитаю представить гг. главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден. В случае наступательного во время действий движения, оное производить в колоннах к атаке, в каковом случае стрельбою отнюдь не заниматься, но действовать быстро холодным ружьем (оружием — *E. T.*)». Есть и еще один пункт в этой диспозиции, который сообщается только двум «главнокомандующим» * для их сведения: «в случае неудачного дела» генерал Вистицкий сообщит, по каким дорогам придется тогда отступать. К счастью, этим пунктом не пришлось воспользоваться: не русские, а Наполеон отступил первый с Бородинского поля...

Диспозиция явно рассчитана была на то, что где бы Наполеон ни начал свою атаку, хотя бы в центре, главный его удар падает на левый фланг, т. е. на части 2-й армии, подчиненной князю Багратиону. Для защиты левого крыла Багратиону даны были четыре корпуса пехоты и одна (27-я) пехотная дивизия и четыре кавалерийских корпуса. Центр (по диспозиции) защищается 6-м корпусом (генерала-от-кавалерии Дохтурова), правый фланг — 2-м и 4-м корпусами (Милорадовича). И левый и правый фланги, и центр снабжены были крупными резервами. Войска центра и правого фланга подчинены были Барклаю⁵.

Сверх обеих армий — 1-й (Барклая де Толли) и 2-й (Багратиона), над которыми Кутузов и должен был принять верховное командование с того момента, когда царь подписал 8 (20) августа 1812 г. указ сенату о назначении его главнокомандующим, у Кутузова вовсе не было в распоряжении других «западных армий», хотя он и был назначен главнокомандующим «всеми армиями нашими»⁶, т. е. также силами, бывшими под начальством Витгенштейна, Чичагова и Торماسова. Но от Витгенштейна оказалось невозможным что-либо отделить, так как он защищал дорогу в Петербург, и Кутузов не только ничего не получил от него, но еще должен был 23 августа (4 сентября) по «согласию», т. е. настоянию, военного министра отправить в помощь Витгенштейну восемь батальонов, стоявших в Твери, на которые он сам мог рассчитывать.

---

* Командующим 1-й и 2-й армиями. — *Ред.*

Правда, к Кутузову уже подошел в это время корпус Милорадовича, и он ждал к 24 августа (5 сентября) еще московское ополчение, но вполне обученных и готовых к близкому бою солдат регулярных полков у Кутузова числилось пока всего около 103 тысяч человек. Восемь батальонов таких же прекрасно обученных регулярных войск пришлось неожиданно лишиться. Но ничего не поделаешь. И Кутузов, отправляя их в самый день начала шевардинского боя, с ударением подчеркивает в письме к Витгенштейну: «Я вам пишу сие во ста двадцати верстах от Москвы, где, возложив упование мое на всевышнего и надежду на храбрость русских воинов, намерен я дать генеральное сражение коварному неприятелю. Главнокомандующий всеми Западными армиями генерал-от-инфантерии князь *Голицыев-Кутузов*»⁷. Чичагов на настоятельную просьбу немедленно послать ему в помощь свою армию ровно ничего не сделал и даже не ответил немедленно. Он мечтал о самостоятельных своих действиях на Волыни, в Литве и просто не обратил внимания на призыв Кутузова, так как чувствовал себя фаворитом царя. А Кутузов его убедительно просил, хотя формально имел право ему приказывать. Вот что он писал Чичагову, еще только приехав к армии: «Я, прибыв в армию, нашел неприятеля в сердце древней России так сказать под Москвою и настоящей мой предмет есть спасение Москвы самой, а потому и не имею нужды изъясниться о том, что сохранение некоторых отдаленных польских провинций ни в какое сравнение с спасением древней столицы Москвы и самых внутренних губерний не входит». Полного повиновения и сочувствия Кутузов мог ожидать только от командующего 3-й из этих бывших «на отлете» от Кутузова «западных армий» Торماسова, благородного человека, патриота, сердечно любившего Кутузова. [Кутузов писал ему:]

«Ваше высокопревосходительство согласиться со мной изволите, что в настоящие для России критические минуты, тогда как неприятель находится уже в сердце России, в предмет действий ваших не может более входить защипение и сохранение отдаленных наших польских провинций, но совокупные силы третьей армии и Дунайской должны обратиться на отвлечение сил неприятельских, устремленных против первой и второй армий»⁸. И Кутузов уже приказывает Тормасову иметь в виду действовать

на правый фланг Наполеона, так как именно правое крыло неприятеля непосредственно угрожает левому флангу русской армии. Но и Тормасову не удалось выполнить это желание главнокомандующего. Его армию, согласно желанию Чичагова, Александр присоединил к Дунайской армии, и обе эти армии стали под командованием Чичагова. А лишенный командования Тормасов прибыл без армии к Кутузову и поступил лично в его распоряжение.

Итак, никакой помощи Кутузов от трех западных армий не получил. Рекрутов, приведенных Милорадовичем (14½ тысяч человек) и московских ополченцев Кутузов дождался. Письмо к Тормасову писано Кутузовым, как он сам заявляет, одновременно с его письмом к Чичагову. Он еще не знал тогда, что Александр лишил его своим распоряжением одновременно фактической помощи обеих армий: Тормасова и Чичагова. Конечно, ни рекрутов, ни ополченцев Кутузов и его штаб не могли вполне приравнять к регулярным войскам. Но грубо ошибается тот историк, который недооценивает боевого значения этих сил. Они уступали, конечно, регулярной армии в выучке, но не уступали никому в героизме и самоотверженности. Вспомним, что сказал об этих людях, полуодетых, полуобутых, часто с пиками в руках вместо ружей, один из лучших маршалов и военных организаторов Наполеона — маршал Бессьер, и сказал это после того, как русские ополченцы и рекруты семь раз подряд выбивали французских гренадер из пылающего Малоярославца: «И против каких врагов мы сражаемся? Разве вы не видели, государь, вчерашнего поля битвы? Разве вы не заметили, с какой яростью русские рекруты, еле вооруженные, едва одеты шли там на смерть?» Этот «аттестат», данный врагом русским ополченцам и рекрутам 1812 г., не должен быть забыт: говоря эти слова, маршал Бессьер указывал хранившему мрачное молчание императору на поле, усеянное трупами французских гренадеров.

И ополченцы и рекруты, начавшие свою боевую карьеру под бородинским огнем, не обманули надежд Кутузова. Но царь и дворянство, повинувшись своим классовым побуждениям (прежде всего чувству классового самосохранения), не дали Кутузову полностью использовать всенародное одушевление, охватившее Россию.

Конечно, героизм регулярной армии, а также ополченцев и партизан восполнил потерю, которую нанесли Кутузову указанные распоряжения царя и происки Чичагова. Но если бы главнокомандующему удалось получить вовремя обе армии, которые он призывал и на которые имел полное право рассчитывать, то положение Наполеона после Бородина стало бы прямо критическим.

Дальше мы отметим, с каким живым интересом Наполеон принялся расспрашивать в разгаре кровавой битвы вокруг батареи Раевского взятого в плен израненного генерала Лихачева, которого ему представили, — правда ли, что Бухарестский мир нарушен и что война Турции против России продолжается. Слухи эти (отчасти распространяемые агентами самого Наполеона) ходили в Европе довольно упорно. Зачем ему понадобилось в столь спешном порядке получить более достоверные сведения? Если турки не воюют, значит молдавская армия Торماسова и Дунайская армия Чичагова уже идут на помощь Кутузову, и так как неизвестно, где они сейчас находятся (разведка у Наполеона во время похода в 1812 г. была плоха), то они могут неожиданно явиться на поле боя, особенно, если Кутузов затянет боевые операции. А своим военным опытом Наполеон очень хорошо понимал, что это значит, когда две свежие армии, уже поотдохнувшие, внезапно явятся с Дуная и Днестра и станут под начальство своего любимого вождя, который вел их к победам над турками. Ведь о поведении Александра и самого Чичагова относительно просьбы Кутузова о подкреплениях французы тогда еще решительно ничего не знали. Если Наполеон поверил ответу Лихачева, что никакой войны с турками уже нет, то простое благоразумие требовало немедленно после «успеха» на батарее Раевского поскорее кончать сражение, отойти и выжидать.

Но Александр и его фаворит Чичагов избавили Наполеона от опасности, и у Кутузова оказался лишь тот резерв (довольно, впрочем, солидный), который был им выделен из его собственной армии, и был не меньше, если не больше, резервов Наполеона, считая даже с гвардией. А главное — изобилие снарядов и боеспособность артиллерии, так блестяще обнаруженная именно в вечерние часы, после отхода от батареи Раевского, делали положение Кутузова очень выигрышным.

Но царь и его сотрудники по управлению и ведению войны лишили Кутузова не только двух прямо ему подчиненных «западных армий», но и по мере сил старались сократить или обезоружить народ, живший в эти дни одной душевной жизнью с Кутузовым и готовый отдать жизнь за победу над ненавистным захватчиком.

Конечно, при своем громадном уме, при своем понимании патуры Александра и сановников, окружавших царя, Кутузов без труда догадался, почему у крепостных «поселян» чуть ли не с того самого момента, когда они начали активно обороняться от французских грабителей, велено было отобрать оружие, не давать им средств самозащиты, лишить этих средств. Мог ли он верить после этого, что ему дадут собрать ополчение в тех размерах, в каких народная масса готова была его дать. Будто мог после этого указа Кутузов удивляться тому, что случилось с крестьянами, желавшими помогать по мере сил регулярной армии, и о чем долес кавалерийский ротмистр Нарышкин: «На основании ложных донесений и низкой клеветы, я получил приказание обезоружить крестьян и расстреливать (так текстуально — *Е. Т.*) тех, кто будет уличен в возмущении. Удивленный приказанием, столь не отвечающим великодушному... поведению крестьян, я отвечал, что не могу обезоружить руки, которые сам вооружил, и которые служили к уничтожению врагов отечества, и называть мятежниками тех, которые жертвовали своею жизнью для защиты... своей независимости, жен и жилищ, но имя изменника принадлежит тем, кто в такую священную для России минуту осмеливается клеветать на самых ее усердных и верных защитников»⁹. Александр, министр полиции Балашев, гнусный злодей Аракчеев, истязавший крестьян в своем поместье в Грузино, — все они не решались вооружить крестьян, боясь, что те повернут оружие против помещиков.

Боялся этого и сверхпатриот Ростопчин, который еще в войну 1807 г. писал доклады об опасности распространения слухов об освобождении крестьян. Цену «патриотизма» Ростопчина, забрасывавшего Москву своими пошлыми, мнимо захватскими «афишами», Кутузов очень хорошо мог оценить, когда Ростопчин обманул его, не прислав и не организовав ополчение в тех размерах, как категорически это обещал, и даже не прислав вовремя шанце-

вого инструмента. После низкой клеветы и наглой брани, которыми осыпал впоследствии Кутузова Ростопчин в доносах своих царю и в устных разговорах с теми, кто желал его слушать, Кутузов перестал припимать его и постарался вскоре от него отделаться.

Чтобы уже покончить с этим вопросом о вреде делу национальной обороны, причиняемом двором и крепостническими элементами дворянства, заметим, что патриотизм и ненависть к врагу, люто разбойничавшему на всем протяжении наступления, особенно от Смоленска, предупредили бы, несомненно, уже сами по себе всероссийское общее восстание крестьянства против помещиков в 1812 г., даже если бы Наполеон в самом деле манил крестьян обещанием освобождения. Но ничего подобного не было. Зять австрийского императора, задушивший французскую революцию, ненавистник революционеров, истребивший безжалостно «якобинцев», Наполеон и не думал вызвать в России восстание вроде пугачевского. Он даже тотчас после своего возвращения в Париж (в декабре 1812 г.) хвалился в заседании сената, что спас русских помещиков от опасности, грозившей им со стороны крепостных. И действительно, в Белоруссии были случаи, когда помещики просили французов о присылке «экзекуций» для усмирения некоторых крестьян, и французы всегда с полной готовностью исполняли эти просьбы.

Нет, крепостническое русское дворянство имело бы еще основание бояться былого «революционного» генерала, разрушавшего феодальный режим и освобождавшего крестьян в завоевываемой им Европе, но на Россию напал уже не тот молодой генерал Бонапарт, который 13 вандемьера 1795 г. расстрелял на парижских улицах пушечными залпами монархистов, восставших против республики, а государь «божьей милостью», вроде его тестя, австрийского императора. Он хвалился, что желает и может разговаривать о политике с царями, а не с простым народом, не с чернью. Маршал Сен-Сир, знавший, как круто изменились политические взгляды императора, пишет в своих воспоминаниях, что в Литве кое-где крестьяне зашевелились и стали выгонять своих помещиков из усадеб. Но «Наполеон, верный своей *новой* системе, стал защищать помещиков от их крестьян, вернул помещиков в их усадьбы, откуда они были изгнаны, и дал своих солдат для охраны от кре-

постных». Такова была «новая система» Наполеона после коронации и «миропомазания».

Русские крестьяне своим непогрешимым национальным чутьем разобрали, что Кутузов ведет их сражаться против чужеземного захватчика, разорителя страны, поджигателя и убийцы, пришедшего вовсе не для того, чтобы снять с них крепостные цепи, но чтобы еще наложить на них вдобавок новые тяжкие оковы национального порабощения под пятой завоевателя.

Настроение, дух армии, внутреннее сознание правоты, убеждение, что дерешься и отдаешь жизнь за правое дело, — все это было налицо в русских войсках, и все это заставляло забывать о летающей вокруг смерти и биться с изумительным, сказочным героизмом против наглого захватчика и жестокого насильника.

Но всех этих чувств и вдохновляющих бойца мыслей не было и не могло быть в армии Наполеона. Когда-то такие мысли и настроения были и во французской армии, когда под Жеманпом, под Вальми, под Флерюсом французский солдат защищал свою революционную родину против полчищ первой коалиции реакционных феодально-дворянских монархических держав континента, соединившихся с английскими торгашами, биржевиками, негроторговцами, чтобы задуть французскую республику и восстановить в покоренной Франции павший старый режим. Но давно окончились революционные войны, и на самом поле Бородинского сражения бывшие революционные военные гимны вспоминались во французской армии лишь с характерной иронией, как нечто фальшивое, устарелое и уже никому не нужное¹⁰. Военный диктатор буржуазной Франции вел своих солдат на убой во имя непонятных им целей завоевания экономического верховенства, территориального расширения и укрепления всеевропейского владычества. Их вел самодержавный монарх, задушивший французскую революцию и преследовавший всякое напоминание о ней. Солдатская преданность полководцу не могла заменить во французских частях наполеоновской армии былой революционный порыв. Об иноплеменниках, пригнанных Наполеоном в Россию (а они составляли большинство), и говорить нечего. Для них Наполеон был иноземным завоевателем и притеснителем.

Очень немногие в Европе перед началом вторжения Наполеона в Россию верили в возможность для русских избежать полного и скорого поражения, и те, кто все-таки не отчаивался в России, возлагали свои надежды прежде всего на возможность подальше откладывать момент решительного сражения. В фонде Зимнего дворца, перешедшем теперь в Исторический архив*, находится характерное письмо швейцарского республиканца Лагарпа, воспитателя Александра I, к своему бывшему ученику: «...я надеюсь, государь, что Вы в состоянии противостоять грозе... Сделайте популярным (popularize) Ваше дело, государь, и Вы найдете новых Пожарских, новых Сухоруких, если Вы не отречетесь от себя, если Вы найдете патриотических, энергичных и храбрых советников, истинных русских, девизом которых станет: *победить или погибнуть*»¹¹. Лагарп предвидит «первые успехи завоевателя и его неизбежную гибель», «...если Вы (Александр — Е. Т.), — пишет он, — приготовите средства для продолжения войны, если Вы учли наперед возможность поражений в начале». Это письмо писано 22 февраля 1812 г., — не прошло семи месяцев, как Кутузов нанес Наполеону жесточайший удар. Предсказание ненавидевшего Наполеона швейцарца Лагарпа, поработившую родину которого могла спасти только будущая русская победа, — исполнилось, да еще с той оговоркой, что и предыдущие битвы (под Салтановкой, под Смоленском, под Валутиной горой, под Лубином) тоже вовсе нельзя было назвать «поражениями», о которых предположительно упоминается в письме Лагарпа. Казалось, ученик Лагарпа, русский царь, мог бы подавно больше поверить донесению старого вождя, чем лживым бюллетеням французского штаба, трубившим о мнимой наполеоновской победе. Но нет! Придворные трутни и иностранные карьеристы и проходимцы, делавшие свою военную карьеру в залах Зимнего дворца или группировавшиеся отчасти в самом штабе Кутузова вокруг английского военного «комиссара» Роберта Вильсона и вокруг Беннигсена, успели совершенно извратить в глазах Александра истинную картину Бородинского боя, и царь

---

* В настоящее время этот фонд хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР). — *Ред.*

выразил неудовольствие старому фельдмаршалу, которого он не любил и не понимал никогда.

Но если Бородинское сражение не было сразу понято царем и многими угождавшими ему царедворцами, то оно понято было армией и русским народом, а прежде всего замечательным русским стратегом, сломившим в этот день хребет наполеоновской армии,— самим Кутузовым.

Имеющиеся документы позволяют проследить если и не во всех желательных подробностях, то все же довольно характерные мгновения предбородинских дней. Вот что писал Кутузов царю о позиции при Бородине, на которой он окончательно остановился 21 августа (2 сентября): «Доношу вашему императорскому величеству, что позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в 12 верстах впереди Можайска, одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства. Желательно, чтоб неприятель атаковал нас в сей позиции; в таком случае имею я большую надежду к победе; но ежели он, найдя мою позицию крепкою, маневрировать будет по дорогам, ведущим к Москве, тогда должен буду идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся. Касательно неприятеля, приметно уже несколько дней, что он стал чрезвычайно осторожен, и когда двигается вперед, то сие, так сказать, «ощушь»¹².

Уже после составления диспозиции Кутузов, объезжая позицию, остановился на мысли создать особую сильную группировку, куда должен был войти почти весь 3-й пехотный корпус и более 11 тыс. ополченцев. Кутузов, очень бережно вообще относившийся к резервной артиллерии, решил при этом выделить из главного резерва артиллерии 60 орудий* и усилить ими артиллерию 3-го пехотного корпуса, что показывает, какое значение придавал он этой создаваемой им группировке, непредвиденной еще при составлении диспозиции.

Зачем же была эта группировка создана? Кутузов совершенно ясно и точно сообщил о том обоим главнокомандующим: Барклаю и Багратиону. Приказав расположить

---

* В действительности с 3-м пехотным корпусом было отправлено только 18 орудий.— *Ред.*

эти особо выделенные силы к югу от флешей, близ Утицы, у Старой Смоленской дороги в 1½ приблизительно километрах от правильно предполагаемого Кутузовым центра предстоящей борьбы за левый фланг, Кутузов замыслил создать из нее «засаду», укрыв ее настолько, что французы о пей не могли знать. Эти силы, по мысли Кутузова, должны были внезапно явиться у флешей, когда уже атакующие французские соединения, истощаясь от своих повторных и мало успешных нападений, начнут выдыхаться. Тогда неожиданное появление этого отряда, скрытого в «засаде», могло бы оказать решающее влияние и отбросить окончательно французов от флешей.

Но Кутузов не знал того, что вслед за ним русскую позицию попозже объезжал и Беннигсен, который, ничего не поняв в замысле Кутузова, и именно поэтому несколько ему не сочувствуя, приказал вывести 3-й корпус из прикрытого кустарниками и отчасти лесом места, куда его поместил Кутузов, и поставил его так, что о внезапности нападения уже речи быть не могло. Но об этом будет сказано подробно в другом месте.

Недавно в общей характеристике Кутузова я отметил, что Кутузов, задолго до Наполеона, высказывал мысль об опасности, а часто и совершенной необходимости прибегать к обходным движениям, причем обходящий всегда должен помнить, что в то время как он обходит противника, тот сам может его обойти¹³. Кутузов предвидел опасность обхода своей позиции с юга, от Утицы по Старой Смоленской дороге. И, организовав скрытую от Наполеона «засаду» из войск Тучкова 1-го в кустарниках и лесу, он имел в виду не только внезапное нападение этих войск на французов, атакующих Багратионовы флешы, но и возможность вовремя парировать попытку французов, подкрепив Понятовского более или менее крупными силами, обойти русскую позицию. Но кутузовское руководство боем было таково, что после отбитых восьми одна за другой атак (а иные по две почти одновременно) на Багратионовы флешы для французов уже речи быть не могло ни о каких обходах с юга.

Помимо зоркости и заботы об охране русской армии от попыток неприятеля обойти ее, Кутузов проявил в Бородинском бою и другие характерные черты своего полководческого искусства: умение не только создавать резервы при

выработке диспозиции к сражению, но и способность извлекать из них максимальную пользу в нужный момент. Он посылает подкрепление за подкреплением Багратиону, Коновницину, Дохтурову во время их борьбы за флешы и у Семеновского оврага, снимает Багговута с его 2-м корпусом с правого крыла армий и быстро перебрасывает его на помощь 3-ему пехотному корпусу (Тучкова), отчаянно отбивающемуся от десяти тысячного польского корпуса князя Понятовского, отправляет для нужной диверсии в атаку против тылов Наполеона конницу Уварова и Платова, подкрепляет силами резервных орудий русскую артиллерию. Барклай бросает (согласно общему повелению — отстаивать до последнего атакуемые пункты) стоявший в резерве 1-й армии корпус Остермана на помощь жестоко пострадавшим силам Раевского, на арену яркой борьбы за люнет являются один за другим лучшие полки гвардейской пехоты (полки Преображенский и Семеновский) и продолжают истребительную борьбу. Наконец, мощное участие резервной русской артиллерии в многочасовой финальной канонаде французских позиций уже после отхода от люнета (батареи Раевского) было отчетливой русской артиллерийской победой, закончившей Бородинское сражение.

Особое искусство стратегического расчета проявил в данном случае Кутузов в том, что щедро, всегда вовремя давая помощь в бою, где нужно, он в то же время вовсе не истощил своих резервов и поэтому мог во все время своего флангового марша после сражения держать Наполеона и его маршалов на весьма почтительном расстоянии от своих главных сил. Так же, как, еще идя к Бородину, арьергард русской армии под командой Коновницина давал острастку наступающим французским силам своими внезапными летучими нападениями, что даже весьма встревожило тогда самого Наполеона¹⁴, так подобную же острастку дал врагу после Бородина арьергард русской армии, которым на этот раз командовал Платов, когда по приказу Кутузова он вошел 27 августа (8 сентября) в Можайск и, успешно отразив французов, ушел спокойно оттуда вечером, покинув город и его окрестности лишь согласно распоряжению главнокомандующего.

Наконец, кутузовская активная оборона так часто превращалась неожиданно для неприятеля и у флешей, и у

Семеновского оврага, и на Курганной высоте, и в боях за Утицкий курган в местное прямое победоносное наступление (именно и стоившее неприятелю наибольших потерь), что это невольно заставляет вспомнить о том, как в ноябре 1805 г. Кутузов на Дунае, во время своего отступления от Инна, наголову разгромил одного из лучших наполеоновских маршалов — Мортье.

В Бородинском сражении доблестная русская армия оказалась вполне достойна своего любимого вождя, которого голос народа поставил во главе ее.

Набросаем краткую схему хода Бородинского сражения. Мы даем ее тут, чтобы читателю легче было разобраться в приводимых дальше фактах. Ошибочно было бы думать, будто смертоносная борьба развертывалась в строгой хронологической последовательности. Нет, и битва на левом фланге вовсе не кончилась, когда уже борьба в центре была в разгаре, и побоище вокруг люнета на Курганной высоте (батареи Раевского) уже окончилось, когда огромные русские батареи вокруг Горок продолжали еще от 4 до 9 часов вечера извергать бомбы и картечь, обстреливая французов, уже взявших батареи и занявших Курганную высоту; и уже после взятия батареи Раевского в вечерние часы русские батареи от Семеновского продолжали обстреливать французов, хотя французские историки считают, что русские полностью оставили Семеновское еще около полудня.

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

I

Борьба на левом крыле русской армии от начала боя до 12 часов дня

1. Борьба за Шевардинский редут.
2. Восемь атак на Багратионовы флеши и ранение Багратиона.
3. Отход Коновницына от флешей к Семеновскому и битва за Семеновский овраг и Семеновскую возвышен-

ность. Часть русских вооруженных сил, перешедших под команду Дохтурова, удерживается до конца Бородинского сражения на этих Семеновских высотах, отойдя к лесу, и покидает их лишь затем, чтобы вечером, согласно приказу, присоединиться к «третьей позиции», т. е. занять свое место в новой линии русских войск, окончательно созданной уже после взятия французами люнета (батареи Раевского).

4. Борьба 3-го корпуса (Тучкова) на южном секторе левого фланга — у Старо-Смолянки (Старой Смоленской дороги). Смерть Тучкова в битвах за Утицкий курган против корпуса Понятовского.

II

Борьба в центре и на правом крыле позиции русской армии от 5 часов утра до кавалерийского нападения Уварова и Платова на тылы левого фланга французов

1. Нападение вице-короля Евгения Богарне на Бородино и взятие его.

2. Создание и превращение батареи Раевского в сильно укрепленный люнет.

3. Начало и быстрое усиление борьбы за батарею Раевского, происходящей одновременно с разгорающейся борьбой за Багратионовы флеши и, дальше, за Семеновское. Кутузов организует в момент жестокого обострения борьбы на обоих флангах замечательную по замыслу и удавшуюся по выполнению диверсию, посылая в тыл левого крыла французской армии кавалерийский корпус Уварова и казачью конницу Платова. Эта диверсия заставляет Наполеона отменить ряд уже сделанных им распоряжений и на левом фланге русской армии, и в центре. Он теряет несколько больше двух часов (от 12 часов пополудни до 2 часов), ослабляет на обоих флангах атаку русских укреплений и дает возможность Кутузову подтянуть свежие силы к батарее Раевского и продолжить сопротивление ее защитников.

III

Конец борьбы в центре русской позиции и на правом фланге

1. Неслышанно кровопролитные бои вокруг люнета (батареи Раевского) возобновляются в 2 часа дня с утренней силой. Люнет взят вскоре после 4 часов, но Бородинское сражение не окончено.

2. Начиная с 5—5½ часов пополудни и кончая временем сгущающейся темноты (около 9 часов вечера) русская армия, во-первых, успевает, согласно распоряжениям Кутузова, подтянуть разбросанные по Бородинскому полю сражавшиеся в течение всего дня части и к 6 часам сосредоточить их на новой линии обороны, тянущейся с севера на юг, от Горок до леса восточнее Утицы, причем собранные корпуса составляют непрерывную оборонительную цепь вооруженных сил; эта линия, преграждавшая перед французами как Новую, так и Старую Смоленскую дорогу в Москву, непременно должна была быть прорвана Наполеоном, если бы он еще надеялся на успех, но он уже не мог этого сделать и даже не пытался за все эти вечерние часы атаковать новую русскую позицию. Еще более эта неудача была подчеркнута многочасовым жестоким обстрелом французов русской артиллерией, начавшимся вскоре после отхода русских от батареи Раевского и продолжавшимся вплоть до ухода французов первыми с поля битвы.

Преимущества русской артиллерии над французской как по меткости стрельбы, так и по изобилию снарядов в эти последние часы сражения сделали уход французских батарей определенно вынужденным. От замышленной было попытки Наполеона штурмовать Горки и привести к молчанию горецкие батареи императору и его штабу пришлось немедленно отказаться вследствие явной недостаточности боевых средств для этого предприятия.

Поражение французских вооруженных сил, в течение всего сражения действовавших наступательно, перед лицом могущественной, геройской, активной русской обороны, характеризуется тем, что Наполеон не достиг основной своей цели — разгрома русской армии — и, потеряв почти половину своего войска, должен был первым

уйти с поля битвы, а Кутузов сохранил после боя свободу действий и возможность спокойно совершить свой гениально осуществленный фланговый марш от Бородина к Москве — Красной Пахре — Тарутину.

Общий вывод. Бородино явилось великой стратегической, тактической и моральной победой русской армии и ее полководца, создавшей в дальнейшем возможность и успех перегруппировки и подготовки русской армии к сокрушительному кутузовскому контрнаступлению, которое вконец разгромило и загубило войска агрессора, приведенные в Россию.

Наступила ночь на 26 августа (7 сентября) 1812 г. Кутузов не мог, конечно, не волноваться перед грозной сечей, в которой шла борьба за честь и политическую самостоятельность русского народа. Но он умел держать себя в руках, как никто, и сохранял полное наружное спокойствие.

Но совсем иначе вел себя Наполеон. Он почти не спал в эту ночь, постоянно вскакивая с постели и выходя из палатки, чтобы посмотреть, горят ли еще огни в русском расположении? Не ушел ли Кутузов? Этого ухода он боялся больше всего. Он был еще в тот момент во власти иллюзии, что если он «завтра» одержит победу, то «завтра» же и окончится война. «Верите ли вы в завтрашнюю победу, Рапп?» — спросил он вдруг дежурного генерала. «Без сомнения, ваше величество, но победа будет кровавая». Наполеон, говоря этой ночью со свитой, особенно преувеличивал цифру своих резервов и преуменьшал цифру своих будущих потерь: он потерял при Бородине не 20 тысяч, как он тогда предполагал, а больше 58 тысяч лучших своих войск.

Русские участники великой битвы с жадностью впоследствии расспрашивали лиц из окружения Наполеона, и вот что им было сказано: «...в Витебске, в Смоленске видели уже его утомленным, нерешительным, не узнавали прежнего Наполеона. Еще более изумились они, наблюдая его вечером, накануне Бородинской битвы. Он был то молчалив, задумчив, мрачен, неподвижен, то деятелен, говорлив, вспыльчив, садился на лошадь, мчался по лагерю и опять укрывался в свою палатку... всю ночь продолжалось болез-

ненное волнение Наполеона. Около пяти часов утра в двадцатый раз велел он узнать, не уходят ли русские? Но русские не двигались с места. «Бодро поднялся Наполеон, воскликнув: „Ну, так они теперь у нас в руках! Пойдем! Отворим ворота Московские!“»¹⁵. Ему подали коня, и он помчался к Шевардину, уже занятому французами с ночи на 25 августа. Поглядев на восходящее солнце, он воскликнул: «Вот солнце Аустерлица!» И велел начать сражение.

Сражение началось нападением войск вице-короля Италии Евгения Богарне на деревню Бородино и взятием этой деревни. Но главный удар Наполеона направился не в центр, а на левый фланг русских сил, где последовал ряд кровопролитнейших атак на Багратионовы флеши, укрепления, сооруженные на Семеновской возвышенности. Целью Наполеона было напасть на левый фланг русских (на 2-ю армию, бывшую под начальством Багратиона), одновременно напасть на более слабое и, как думал он и его штаб, неукрепленное правое крыло и центр, и затем сдавить и уничтожить в этих клещах русскую армию, поставить ее между двух огней — слева и справа.

Кутузов разгадал и разрушил эту программу действий.

Из 136 тысяч человек с небольшим той армии, которая в день Бородина находилась в распоряжении Наполеона, гвардия (20 тысяч человек) и еще некоторые части были оставлены им в резерве, а из остальной массы войск около 80—85 тысяч человек с 467 орудиями были предназначены для нанесения главного удара по русским войскам, защищавшим сначала левый фланг (Багратионовы флеши, деревню Семеновское и местность вокруг нее), затем в центре русского расположения Курганную высоту с сооруженной на ней батареей Раевского, превращенной, как сейчас увидим, в укрепленный «сомкнутый люнет».

Кроме этих 80—85 тысяч, предназначенных для главного удара, и кроме войск, оставленных в резерве, у Наполеона было в распоряжении еще около 40 тысяч человек с 88 орудиями, которые были им предназначены сначала для большой демонстрации, а потом для действия в центре и на правом фланге русских.

Но Кутузова эта демонстрация не обманула.

Укрепление левого фланга и сооружение редутов и посылка на помощь Багратиону новых и новых соединений показывали, что русское верховное командование, столько сделавшее с вечера 23-го и в течение всего 24 августа для обороны Шевардинского редута, с предрассветных часов 26 августа было готово встретить во всеоружии готовившуюся мощную атаку на флешу, куда отошли войска, покинувшие, согласно приказу, Шевардинский редут еще в ночь на 25 августа. А с другой стороны, разгадав демонстративный характер действий, готовившихся на правом фланге непосредственно против деревни Бородино, Кутузов, не поддавшийся обману и не отвлекший от сил левого фланга ни единого батальона, распорядился так, что первые успехи французов на правом фланге (взятие деревни Бородино) обошлись им несравненно дороже, чем он того ожидал. Русский главнокомандующий правильно предугадал, что его войска даже на этом второстепенном участке фронта, будучи тут численно слабее неприятеля, дадут жестокий отпор армии стоящего против них вице-короля Италии, пасынка Наполеона Евгения Богарне. И в конечном счете вышло, что, отдав на эту диверсию 40 тыс. человек, Наполеон сам лишил себя в первые часы боя серьезнейшей подмоги в решающие первые утренние часы «главного удара», направленного им на Багратионовы флешу. Жертвенный героизм русских войск в этот день превратил, однако, затеянную Наполеоном диверсию на русском правом фланге в предприятие не только бесполезное, но определенно вредное для дела самого агрессора.

Напомним вкратце, как тут разворачивались события. Вице-король Евгений Богарне начал в пятом часу атаку деревни Бородино, защищенной отрядом лейб-егерей. Атаку вице-король Евгений поручил дивизионному генералу Дельзону, который, разделив дивизию, одновременно напал на деревню Бородино с двух сторон.

Уже с 11 часов вечера 25 августа начались (точнее, продолжались ускоренным темпом) работы по укреплению батареи, установленной на Курганной высоте генералом Раевским, который в своем рапорте писал: «Видя по положению места, что неприятель поведет атаку на фланг наш, и что сия моя батарея будет ключом всей позиции, укрепил я оный курган редутом и усилил орудия»

ми сколько место позволяло». В половине пятого часа утра (26 августа) батарея уже превратилась в редут с прекрасно укрепленной горжей, или, как выразился сам Раевский, осмотрев произведенные за ночь работы, в «сомкнутый люнет». Зная, что весь предшествующий день (25 августа) Наполеон осматривал поле предстоящего сражения, Раевский сказал: «Император Наполеон видел днем простую, открытую батарею, а войска его найдут крепость...» Это был грозный «сомкнутый люнет», стоивший 26 августа неслыханных жертв неприятелю, и один из бородинских героев, военный инженер генерал-лейтенант Богданов 2-й, правильно укоряет историка Модеста Богдановича в неосновательном повторении ложных утверждений иностранцев (преимущественно французских и немецких историков Бородинского сражения), будто укрепления Курганной высоты были плохи.

Первая армия (Баркляя де Толли) уже с 23 августа «стояла на избранной позиции по правую сторону реки Колочи и возводила свои укрепления»¹⁶. Правое, самое сильное крыло 1-й армии состояло из двух корпусов (2-го генерала Багговута и 4-го графа Остермана-Толстого). В центре 1-й армии стоял у деревни Горки корпус Дохтурова (6-й), а за Дохтуровым стояли 7-й корпус 2-й армии (корпус Раевского) и 8-й корпус (Бороздина); оба эти корпуса уже принадлежали не к 1-й армии (Баркляя), а ко 2-ой армии (Багратиона).

Кутузов создал для 1-й армии позицию, которая была прикрыта с фронта рекой Колочью и крутым ее правым берегом, и считалась неприступной. Левый фланг, занятый 2-й (багратионовской) армией, должен был выдерживать главный напор наполеоновских сил.

Не все понимали в эти последние часы перед боем мысль главнокомандующего: «Многие из военных лиц того времени стояли против избранной нами позиции, но опытный вождь наш смотрел на дело иначе и лучше их был знаком с своим противником. Он хорошо знал его положение и причины постоянных стремлений: принудить нас во что бы то ни стало к битве, а потому и воспользовался» всеми теми условиями, которыми «вся первая армия обеспечивалась от всякого покушения и тревоги, где ни один неприятельский снаряд не мог нанести ей значительного вреда, между тем как из ее линий он сам

мог в каждый момент при ходе битвы подкреплять и освежать свои силы ее полками. Это была основная мысль нашего доблестного вождя — его тайна. Кутузов превосходно сообразил местность, на которой император Наполеон должен будет развертывать массы своих войск»¹⁷.

После Шевардина и после убийственных многочасовых, долгое время безуспешных нападений на флешы французы не имели ни малейшей возможности почти тотчас же предпринять атаку на центр и отчасти правый фланг, где в течение 23, 24, 25 и вплоть до рассвета 26 августа шла кипучая работа по укреплению позиций.

Близко наблюдавший и следивший за приготовлениями и распоряжениями Кутузова человек, больше всех из командного состава сделавший для подготовки предстоящего бессмертного боя у батареи Раевского, — военный инженер Богданов понимал, что Наполеон никак не достигнет своей цели и что «генеральной битвы» в точном смысле, т. е. сокрушающей одним ударом русскую армию, он, не взирая на все свои мечты, владевшие им неотступно от самого перехода через Неман, не даст, а истощит приготовительную ударную силу своей армии на истребительных боях вокруг двух позиций, в двух отдельных укрепленных пунктах: сначала у флешей, а потом на Курганной высоте. «...Кутузов предоставил полную свободу императору, под условием сказанного, дать битву или, обходным движением своим по старой смоленской дороге, заставить нас без боя к отступлению, и тогда Наполеон не достигал своей цели: русская армия осталась бы по-прежнему невредимою. Расчет был верен...»¹⁸

Кутузов предвидел, вопреки мнению инженерного генерала Ферстера и некоторых других начальников, но, как показали последствия, вполне правильно значение возможной задержки французов у Шевардина. 23 августа вечером начали, по приказу главнокомандующего, строить Шевардинский редут. Работа была очень трудная. «Грунт кургана до того был тверд и щебенист, что к полуночи, при постоянном усилии рабочих, ров был углублен не более полфута, это обстоятельство вынудило насыпать бруствер и контр-эскарп пахотною землею, из расстояний от 8 до 10 саж.; для уравнивания внутренней плоскости этого укрепления тоже требовалась значительная присыпка

земли. Энергия работавших и, видимое, с наступлением утра, сближение неприятеля, ускоряли труд».

Тяжелая ночная работа уже к концу 1 часа в ночь с 23-го на 24-е была окончена. Русские рабочие-саперы вообще не знали в двенадцатом году, что означает усталость. В течение нескольких часов Кутузов лично наблюдал тут рабочих-сапер. Их приходилось не подгонять, а сдерживать. Настало утро, а к полудню уже стал подходить отряд, назначенный для обороны только что оконченного укрепления. Тотчас же неприятель ожесточенно его атаковал. Весь день 24 августа шел отчаянный бой за овладение редутом. Потери русских не были для них неожиданными, ведь только что созданное укрепление и не предполагалось отстаивать любыми жертвами, — а французы были в недоумении. Адъютант за адъютантом подлетали на взмысленных конях к Наполеону, сообщая об усиливавшихся с каждым часом потерях. В полукилометре от Шевардина русские гренадеры встретили спешивший на помощь французам полк и почти полностью его истребили, взяв семь орудий.

Русская малочисленная тут артиллерия (три орудия в редуте и девять с правой его стороны) успешно прицельной стрельбой опустошала ряды неприятеля. Выполнив свое назначение, защитники Шевардина отошли ночью (с 24 на 25 августа) от редута к главным силам Багратиона, уже занимавшим позиции на Багратионовых флешах.

Уже в первых жесточайших боях за мешавший Наполеону сблизиться непосредственно с главными силами русской армии Шевардинский редут (23 и 24 августа — 4 и 5 сентября) русские войска показали, как они понимают кутузовскую активную оборону. У русских в шевардинском бою было почти в четыре раза меньше пехоты, чем у французов (меньше 8 тысяч против сначала 30, а потом, к концу второго дня, 35 тысяч, приблизительно, человек пехоты, считая подброшенные Наполеоном подкрепления). Конница Наполеона была почти в три раза сильнее, артиллерии у русских было уже в первый день в пять раз меньше, чем у Наполеона, а к концу это соотношение сил еще более изменилось в пользу французов.

И все-таки русские отошли только к вечеру 24 августа (5 сентября), когда Кутузов нашел ненужным уже тут

давать генеральное сражение и решил оттянуть силы Багратиона, оборонявшего Шевардинский редут, несколько восточнее, где и решено было укрепить левый фланг. «Сколько взято русских пленных?» — настойчиво спрашивал Наполеон подъезжавших к нему от Шевардина адъютантов и 24 августа. «Русские в плен не сдаются, ваше величество», — получал он все тот же неизменный ответ. Явное волнение и раздражение императора были весьма понятны: Кутузов, выбравший эту позицию, Багратион, ее два дня со своим небольшим отрядом защищавший, русские солдаты, устлавшие своими и французскими телами поле боя, — все это указывало Наполеону, чем будет предстоящий генеральный бой, если даже первый подступ к главным кутузовским силам дается с такими усилиями, с таким кровопролитием и без победы, потому что отход был ни в малейшей степени не вынужденным и все попытки нападения на отходящих были вполне успешно отбиваемы Багратионом.

Полтора суток отделяют отход Багратиона от Шевардина вечером 24 августа от рассвета дня 26 августа (7 сентября) 1812 г., когда начался великий Бородинский бой, и начался он нападением громадных сил французской армии на созданные в короткий срок полевые укрепления на левом фланге русского боевого расположения, на те флешы, которые получили в истории название Багратионовых по имени героя, их защищавшего и на них кончившего в этот день свое славное поприще. Одновременно (даже несколько ранее) начался бой на правом фланге нападением на село Бородино.

Кутузов знал, кому поручить оборону того пункта, куда, по совершенно правильному его предвиденью, должен был последовать один из первых и наиболее решительных ударов Наполеона. Командовавший на левом фланге Багратион, герой Измаила, герой Шенграбена, державший в свое время, во исполнение приказа Кутузова, в ноябре 1805 г., с отрядом в 6—6½ тысяч человек, французов, у которых было в 4—4½ раза больше сил, отстоял победоносно флешы от самых неистовых, повторных атак лучших наполеоновских маршалов. Стоит только вдуматься в повторные ответы Наполеона своим маршалам, подъезжавшим к императору лично и посылавшим к нему своих адъютантов с просьбой, даже, точнее сказать, с

просьбами двинуть на флешу императорскую гвардию. Наполеон отвечал, что он не может рисковать своим главным резервом. Другими словами: борьба за флешу, овладение флешами, нападения на отходивших от флешей русских истребили такое чудовищное количество отборных французских войск, что и маршалы и еще больше отказавший им Наполеон явно увидели, до какой степени невыгодно вконец положить тут же, на одном только этом участке боевого фронта все лучшие силы, без которых нельзя будет целесообразно использовать конечную победу, даже если и удастся ее одержать. С рассвета почти до 11¹/₂ часов шедшие яростные атаки французов на флешу, не приводившие к результату, несмотря на все жертвы, сами по себе могли приводить врага в смущение, но смущало и то обстоятельство, что ведь и последнее дело на флешах, именно то, где получил свое (оказавшееся впоследствии смертельным) ранение Багратион, было грозным штыковым наступательным ударом. «Ходить в палаша», ходить в штыки, рукопашную, после всего пережитого в первые шесть часов боя, под огнем уже не двухсот, как в начале боя, а четырехсот французских орудий — все это уже само по себе обнаруживало, каким героическим духом движимы были в этот страшный и навеки славный день русские войска.

Первая большая атака Багратионовых флешей при самом деятельном участии артиллерии была открыта генералом Компаном в 6—6¹/₄ часов утра, причем русские были поддержаны артиллерийским огнем гвардейских егерей, которые хоть были вытеснены еще в пятом часу утра из деревни Бородино подавляюще превосходящими силами вице-короля Евгения, но, перейдя в полном порядке через р. Колочу, были тут усилены еще двумя егерскими полками и помогали своей артиллерии громить войска Компана и мешать им в атаке флешей. Компан был отброшен. Но, оправившись и получив подкрепление, Компан (в восьмом часу утра) снова послал в атаку бригаду своей дивизии, не участвовавшую в первой атаке и поэтому еще совсем не потрепанную. Но русские встретили эту вторую атаку таким усиленным огнем, что вскоре и эта бригада была расстроена и остановилась у леса. Тут тяжело раненного Компана унесли с поля сражения, а начальство над бригадой принял сам корпусной командир маршал

Даву, примчавшийся на место. Ему удалось возобновить бой и ворваться в южную флешь после кровопролитного боя. Лошадь Даву была убита, сам маршал, контуженный и оглушенный, упал и был придавлен убитой под ним лошадью. И солдаты и командный состав в первый момент убеждены были, что маршал Даву, потерявший сознание, убит, и именно так немедленно было доложено Наполеону. Император приказал немедленно Мюрату стать во главе атакующих и снова штурмовать южную флешь, откуда французы были в это время выброшены русской контратакой. Маршалу Нею велено было всеми силами поддерживать Мюрата, который вызвал к себе также корпус герцога д'Абрантеса (Жюно). К месту боя спешили еще и новые силы. Получив такие подкрепления, Мюрат (с согласия оправившегося от контузии маршала Даву) приказал снова идти в атаку. Эта третья атака была гораздо более яростной, чем все предыдущие. Следя с возвышенности за непрерывно притекающими к месту боя неприятельскими войсками, Багратион не терял ни минуты и стягивал к флешам буквально все силы, которыми располагал по праву как начальник 2-й армии, и даже те, которыми по праву вовсе не располагал. Прославившая себя 27-я дивизия Неверовского (т. е. то, что от нее осталось после Смоленска, и то, чем она была пополнена после Смоленска), а также гренадерская дивизия М. С. Воронцова были немедленно брошены в огонь.

К югу от атакуемой южной флешы, у деревни Утицы, стоял генерал Тучков 1-й со своим 3-м корпусом. Багратион приказал Тучкову, которому приказывать он не имел права, потому что Тучков подчинен был Барклаю, чтобы тот немедленно прислал ему на помощь дивизию Коновницына. Тучков послал. Но, конечно, этого было мало против громадной армии и притом лучших, отборных сил, брошенных на флешу Наполеоном.

У Тучкова 1-го, когда Кутузов распорядился поставить его на крайней южной оконечности левого фланга, были под командой следующие силы: 3-й пехотный корпус, 6 донских казачьих полков и 7 тысяч ополченцев. Но Тучков не по своей вине не мог оказать в тот момент Багратиону всей помощи, какую хотел бы.

Выше, где говорилось о распоряжениях Кутузова при объезде им расположения русских войск 25 августа (6 сеп-

тября), было уже отмечено, что Беннигсен самовольно (и даже не уведомив главнокомандующего) отменил приказ Кутузова о «засаде».

Яркий свет на всю эту историю бросают записки Щербинина вместе с некоторыми другими Материалами Военно-ученого архива главного штаба, изданными В. Харкевичем в 1900 г. Оказывается, что только в начале 1813 г., за два месяца до смерти, Кутузов узнал, как поступил с ним и с Тучковым 1-м граф Беннигсен, так усердно, заметим кстати, старавшийся очернить светлое имя Кутузова и при жизни и, особенно, после смерти великого фельдмаршала. Вот что поведал Щербинин. После осмотра бородинской позиции Кутузов возымел намерение поставить часть войска «скрытно от неприятеля» позади левого фланга. «Когда неприятель... употребит в дело последние резервы свои на левый фланг Багратиона, то я пушу ему скрытое войско во фланг и тыл», — таковы были точные слова Кутузова. Когда посланный Кутузовым инженерный капитан донес, что местность чрезвычайно благоприятствует этому плану, то 3-й корпус (Тучкова 1-го) и московское ополчение были поставлены Кутузовым в этой «засаде». Обезжая позицию 25 августа (6 сентября), накануне битвы, Беннигсен вдруг отменил все сделанное по приказу Кутузова, да еще отменил «с досадой». И Тучков вышел из «засады» и выдвинул свой 3-й корпус к егерской бригаде, отделявшей левый фланг от утицкого леса. Щербинин, бывший при этом, убежден был, что Беннигсен совершает свой поступок с разрешения главнокомандующего. Но обнаружилось (к сожалению, слишком поздно), что Кутузов понятия не имел об этой неслыханной дерзости и самоуправстве Беннигсена.

Лишь в феврале 1813 г. в Калише, в главной квартире Кутузова, Щербинин в случайной беседе с Толем спросил Толя, почему Кутузов тогда переменял свой план относительно засады на левом фланге Бородинского лагеря. Щербинин рассказал все, и «изумленный» Толь сейчас же бросился к Кутузову, который и узнал тогда впервые обо всем. «Можно представить себе, — пишет Щербинин, — как во время Бородинского сражения Кутузов, полагавший Тучкова в скрытом месте, удивлен был известием, что Тучков сделался предметом и скорою жертвою первого натиска французов. На бедного Тучкова пало даже

подозрение в главной квартире, что он не умел держать-ся». Его корпус сражался с 10-тысячным корпусом Понятовского, а сам он был убит наповал, и поэтому свалить на него все вины стало легко.

Вся вредоносность этого самоуправства Беннигсена выяснилась лишь впоследствии, когда из попавших в руки русских бумаг маршала Бертье выяснилось, что если бы Тучков со своим 3-м корпусом и ополчением явился, как рассчитывал Кутузов, к концу боя за Семеновское, «то появление этого скрытого отряда, по плану Кутузова, во фланге и тылу неприятеля при окончании битвы было бы для неприятеля губительно. И этому воспрепятствовало непростительное распоряжение Беннигсена»¹⁹. Щербинин, кроме того, увлекшись, настаивает, что корпус Тучкова и вообще, «поставленный Беннигсеном в невозможность сражаться по невыгодности местоположения сделался совершенно бесполезен». Щербинин тут выражается совсем неосновательно о «совершенной бесполезности»: своим отрядом в три с небольшим тысячи человек регулярных войск Тучков все-таки, во-первых, долго сдерживал 10-тысячный корпус Понятовского и вел героическую борьбу за Утицкий курган и, во-вторых, препятствовал неприятелю совершить обход русского левого крыла.

Беннигсен не только совершил самовольно, вопреки дисциплине, этот поступок, но даже не потрудился сообщить о нем ни Багратиону, ни самому Кутузову, которые, конечно, воспротивились бы, потому что это произвольное вторжение Беннигсена в план фельдмаршала, во-первых, лишало Багратиона шансов сильного и, главное, внезапного в нужный момент удара по атакующим флешу французам и, во-вторых, непоправимо сводило к пулю всю кутузовскую идею «засады». Сквозь туман лживых свидетельств и самовосхвалений этого ненавидевшего Кутузова интригана Беннигсена многие мемуаристы совсем не разглядели и даже не упоминают о его произвольном образе действий в данном случае.

Свалить на Кутузова или на Толя, или на Тучкова какую-либо вину в том, что Багратион не получил вовремя полной помощи от 3-го корпуса, нет ни малейших оснований.

В своей книге «Бородино», изданной Обществом ревнителей военных знаний в 1912 г. («Бородино. По новым

данным»), А. Геруа говорит, что Беннигсен действовал согласно с указанием *кроки* (схемы, имевшей руководящее значение), и поэтому якобы «формально» был прав (?), «хотя... и не согласно с намерением Кутузова», потому что Кутузов устроил «фланговую засаду», а не простой «фронтальный заслон». А. Геруа, однако, тут же пишет: «В своих мемуарах Беннигсен... старается оправдать открытое расположение засады желанием сделать из засады „демонстрацию“. Но это объяснение в сущности только неудачная попытка определения изменения боевого расположения, случившегося, якобы, преднамеренно». Все это правильно, как критика лживого самооправдания Беннигсена, но никак нельзя согласиться с выводом Геруа: «Раз так дурно были ориентированы главные руководители, нет ничего удивительного, что и исполнитель Тучков был осведомлен не лучше; и, если расположение засадного корпуса не удалось Толю, а исправить его не удалось Беннигсену, не приходится удивляться тому, что и Тучков не смог привести в исполнение тот план, в подробностях осуществления которого так дурно разбирались Толь, Беннигсен и сам Кутузов»²⁰. Но причем же тут Кутузов? Кутузов отдает крайне важное, точное распоряжение, это распоряжение самовольно, *без ведома главнокомандующего* отменяется и заменяется совершенно другим, вопреки протестам Тучкова. Весь план и *повеление* Кутузова сводятся к нулю к большому вреду для дела, и притом тайком, за спиной главнокомандующего.

Кутузов должен был учесть в этот предусмотренный им опаснейший момент борьбы у флешей факт отсутствия Тучкова с его 3-м корпусом, хотя причина этого отсутствия не могла, конечно, тогда быть ему известной. Во всяком случае, нужно было считаться с создавшейся обстановкой. Бой становился с минуты на минуту все ожесточенней. Оглушительный рев артиллерии заглушал голоса стоящих рядом друг с другом людей. По усиленной (повторной) просьбе Багратиона Кутузов приказал послать к флешам ему в подмогу три полка гвардии — Измайловский, Финляндский, Литовский, три кирасирских полка и гвардейскую конную артиллерию. Но не все они могли в полном составе подоспеть к флешам. Русские, не обращая никакого внимания на громящую их артиллерию, когда французы приблизились уже ко всем трем флешам

(а не только к южной, первоначально намеченной), вступили в самый жестокий рукопашный бой. Командный состав принял полное участие в этих рукопашных схватках, которые сначала, во время этой третьей атаки, привели к занятию французами всех трех флешей, причем в разгаре боя Неверовский был ранен очень тяжело и с трудом вынесен его солдатами из боя, после того как его 27-я дивизия выдержала натиск, в котором она сражалась против окруживших было ее тройных французских сил. Еще больше пострадали гренадерские полки М. С. Воронцова, которые продолжали умирать, долго не уступая ни шагу, после того как их начальник и весь его штаб были либо перебиты, либо жестоко изранены в штыковом бою. Воронцова, раненного штыком, унесли замертво. Уже после истребления гренадер русские кирасиры бросились отбивать занятые флешы и штурмовым ударом выгнали засевших там французов, уничтожив в новой рукопашной схватке немногих французов, которым удалось остаться живыми из тех, кого кирасиры нашли во флешах.

Наполеон подтвердил свой приказ — во что бы то ни стало отбить флешы — и послал на помощь Мюрату и Нею одну из лучших дивизий, какими только располагал образцовый корпус Даву, — дивизию Фриана, очевидно, доверяя ей больше, чем первоначально посланной (и сейчас же возвращенной) им польской дивизии Клапареди. Бой возобновился с неслыханным ожесточением. Посылкой свежей отборной дивизии Фриана после страшных французских потерь в пятичасовой истребительной борьбе за флешы французский император показал явственно, что считает Багратионовы флешы центром великого побоища, от овладения которыми зависит исход борьбы. Русские подкрепления, по условиям местности, могли подходить медленнее, чем пришла к месту боя дивизия Фриана. Посылая Фриана, а затем и очень усиливая кавалерию, Наполеон уже был осведомлен, что та часть вызванных Багратионовым подкреплений (именно дивизия Коповницына), которая спешно явилась на место боя, так как была сравнительно недалеко, сразу же повела штурм, отбивая флешы у французов, и выбила их в кровопролитном бою. Правда, приказ Наполеона был категоричен, и Ней снова овладел флешами, бросив новые, непрерывно подходившие к нему подкрепления, это произошло уже после прихода Фриана.

Одновременно Наполеон приказал придвинуть ближе к флешам новые батареи. Не щадя снарядов, французская артиллерия громила поле боя, но и русская не молчала, нисколько не уступая неприятелю ни в энергии огня, ни в меткости. Что русские артиллеристы в течение всего сражения стреляли, не только не уступая, но превосходя меткостью стрельбы французов, это признавали многие из командного состава неприятельской армии. Но для Кутузова защита флешей была лишь очень важным участком боевого фронта, а для Наполеона здесь было решение участи всей войны. Ему не терпелось превратить борьбу против левого русского фланга в генеральное сражение, каковым для Кутузова она вовсе не являлась. Бородино для русских вовсе не было и быть не могло в точном смысле слова «генеральной битвой», т. е. тем столкновением, которое решает участь войны и оканчивает войну. Русский главнокомандующий видел, что войска Багратиона делают нечто сверх сил человеческих, истребляя лучшие, отборные корпуса Наполеона, но класть здесь всю русскую армию Кутузов не хотел.

Ней и Даву решили в помощь фронтальным атакам пустить в ход большое обходное движение.

Очень ясный отчет о двух неудавшихся неприятелю попытках обхода русских войск в разгаре борьбы на левом фланге (во время непрерывных атак флешей) дает свидетельство Бутурлина, очевидца и участника обороны флешей. «В это время (после провала пятой атаки — *Е. Т.*) маршал Ней, видя, что атака флешей... не подвигается, решил обойти их и двинуть корпус Жюно в промежуток между левой частью позиции и войсками генерала Тучкова. Если бы неприятелю удалось прорваться с этой стороны, то дела приняли бы тем более худой оборот, что не только они обошли бы семеновские укрепления, но и генерал Тучков был бы отрезан от остальной армии...» К счастью, генерал-лейтенант Голицын опрокинул и загнал в лес колонны Жюно, и новые попытки французов были также совершенно подавлены русской конной артиллерией и атаками русских кирасир. Тут же был взорван разгромлен подчиненный маршалу Даву, герцогу Экмюльскому, Вестфальский корпус: «Вестфальцы бросили сильные свои колонны в лес, который по своему положению — слева от (русских — *Е. Т.*) кирасир — давал возможность обойти

кирасир с фланга. Но пехотные полки — Брестский, Рязанский, Минский и Кременчугской 2-го корпуса — бросились на вестфальцев, *изрубили их в куски* (курсив Е. Т.—ред.) и овладели лесом».

Мы видим тут пример того, во что так часто обращалась «оборона» Кутузова в Бородинском бою!

Так кончилась первая попытка обхода русских сил перед флешами. А вот и вторая попытка, выявляющая всю глубину стратегической мысли главнокомандующего, предвидевшего опасность обхода левого крыла. Здесь борьба шла между 3-м корпусом Тучкова и почти в три раза превосходившим его по численности корпусом князя Понятовского. Понятовский задумал овладеть Утицким курганом. Этот пункт был важен тем более, что он командовал над всеми окрестностями и что неприятель если бы овладел им, то мог бы совершенно обойти левый фланг Тучкова, который был бы не в состоянии удержаться на Старой Смоленской дороге. Неприятельские колонны повели атаку с жаром, под защитой батареи в 40 орудий, которую Понятовский поставил справа от р. Утицы. Однако жестокий огонь русской батареи и ружейная стрельба гренадерских полков, Петербургского и Екатеринославского, не могли остановить их порыва. Курган был взят, и поляки (корпус Понятовского) продолжали свои движения и грозили обойти с фланга и с тыла русскую гренадерскую дивизию. Тогда генерал Тучков, чувствуя критический момент, решил собрать все свои силы, «чтобы отбить захваченный неприятелем пункт, и во главе Павловского полка остановил неприятеля и велел генералам Строганову и Олсуфьеву атаковать курган». Курган был штурмом взят обратно у неприятеля. «Неприятель, обескураженный испытанными потерями, отошел далеко от пушек, поставленных русскими на кургане»²¹. Тучков получил в этом бою смертельную рану. Получив подкрепления, Понятовский снова возобновил борьбу за Утицкий курган. Генерал Багговут, заменивший Тучкова, в конце концов отвел 3-й корпус и 2-й корпус, тоже бывший под его командованием, к верховьям ручья, стекающего с Семеновской возвышенности. Здесь он установил, как увидим дальше, связь с войсками 2-й армии, состоявшими под общим начальством Дохтурова, который привел их сюда после боев у Семеновского оврага.

Развязка — не войны и даже не борьбы за левый фланг, а только за флешу — приближалась.

Большое наступательное движение, затеянное Багратионом в двенадцатом часу утра, столкнулось с контратакой французов, — и в этом встречном бою ярая схватка шла с ежеминутными колебаниями. Картечный огонь усиливался. Это была уже пятая атака флешей.

И вдруг русские солдаты в разгаре боя заметили издали, что Багратион медленно падает с лошади. Ближние ряды уже знали более точно о происшедшем несчастье... Картечная пуля попала в Багратиона и пробила берцовую кость. Этот момент и оказался переломным в борьбе за флешу, переломным, но не последним.

Послушаем очевидца.

Офицер дивизии Неверовского Н. И. Андреев кратко и наглядно нарисовал картину того, что творилось на Багратионовых флешах в первые, утренние часы бородинского дня, когда Наполеон приказал королю Мюрату и маршалам Даву и Нею ударить на левый фланг русской армии совокупными силами. «С 25-го на 26-е в ночь, близко нас, у неприятеля цели песни, били барабаны, музыка гремела, и на рассвете увидели мы вырублен лес и против нас, где был лес, явилась огромная батарея. Лишь только была заря, то зрелище открылось необыкновенное: стук (грохот — *Е. Т.*) орудий до того, что не слышно было до полудня ружейного выстрела, все сплошной огонь пушек. Говорят, что небо горело; но вряд ли кто видел небо за беспрестанным дымом. Егеря наши мало были в деле, но дело везде было артиллерийское, с утра против Нея, Мюрата и Даву корпусов. *Наша дивизия была уничтожена* (курсив *Е. Т.* — *ред.*). Меня опять послали за порохом, и я, проезжая верхом, не мог не только по дороге, но и полем проехать от раненных и изувеченных людей и лошадей, бежавших в ужаснейшем виде. Ужасы сии я описывать по в силах; да и теперь вспомнить не могу ужаснейшего зрелища. А стук от орудий был таков, что за пять верст оглушало и сие было непрерывно... Тут перо мое не может начертать всей картины... Я отослал ящики назад, а сам поехал вперед к деревне Семеновской, которая пылала в огне. На поле встретил я нашего майора Бурмина, у которого было 40 человек. *Это был наш полк...* (курсив *Е. Т.* — *ред.*). Взойдя в лес мне встретилась картина

ужаснейшая и невданная. Пехота разных полков, кавалерия, спешившаяся без лошадей, артиллеристы без орудий. Всякий дрался, чем мог, кто тесаком, саблей, дубиной, кто кулаками. Боже, что за ужас! Мои егеря рассыпались по лесу и я их более не видал...» Начавшаяся на рассвете пушечная пальба даже в 10 часов утра продолжалась с неослабевающей силой. В 11 часов утра, когда Неверовский собрал свою дивизию, то оказалось, что от нее в живых осталось... *семьсот человек*. И другие дивизии, оборонявшие Багратионовы флешы, были не в лучшем положении. «Мы видели, как Семеновский полк, несколько часов стоя на позиции, не сделав ни одного выстрела, был ядрами уничтожаем... Два кирасирские полка, Новороссийской и Малороссийской... пошли на неприятельскую батарею. Картина была великолепная! Кирасиры показали свою храбрость: как картечь их ни валила, но хотя половиною силы, они достигли цели и батарея была их. Но что за огонь они вытерпели, то был ад!.. Я видел, когда сняли незабвенного нашего князя Багратиона с лошади раненого в ногу и как он был терпелив и хладнокровен; слезал с коня в последний раз и поощрял солдат отомстить за себя... Не берег себя и по привычке был в сильном огне. Он не вынес раны и вскоре умер... Скелеты полков нашей дивизии поступили к графу Милорадовичу в арьергард»²².

Гибель Багратиона совпала с тем моментом, когда Наполеон направил на атаку флешей уже почти в три раза больше орудий, чем до сих пор, уже не 150, а больше 400 пушек. Когда в Багратиона попал осколок ядра, раздробившего берцовую кость,— он, зная, как может смутить солдат ранение их любимца, пытался некоторое время скрыть свою рану, но кровь заливала его и лилась на землю. Он стал молча валиться с лошади. Его унесли. Левое крыло несколько подалось назад, но продолжало биться с прежним мужеством: жажда мести за погибающего раненого героя охватила солдат. Кирасир Адрианов, прислуживавший Багратиону во время битвы, подбежал к носилкам и крикнул: «Ваше сиятельство, вас везут лечить, во мне вам уже нет надобности!» Прокричав это, Адрианов, как передают очевидцы, «в виду тысяч, пустился, как стрела, мгновенно врезался в ряды неприятелей и, поразив многих, пал мертвым».

Еще далеко было до конца сражения, по какой-то непосредственный и верный инстинкт говорил русским участникам и наблюдателям борьбы за Багратионовы флеши, что французские потери на русском левом фланге и у деревни Семеновской решительно никакой «победой» в этом месте не могут быть возмещены. Вот что видел и слышал участник и правдивейший наблюдатель, военный инженер Богданов: «Трепетное чувство сильных впечатлений и вместе величественное начало центральной битвы представило поразительное зрелище. С двух батарей у деревни Горки, по всей линии 6 и 7 корпусов, до деревни Семеновской, поднялся беловатыми клубами дым от многочисленной артиллерии, и все это в момент слилось в один неумолкаемый гром с огнем левого фланга. Все вокруг нас покрылось, в полном смысле слова, облаками густого дыма; ничего нельзя было видеть. Общий непрерывный гул грома, вой и свист бесчисленных снарядов колебали воздух, земля дрожала. Трудно определить время нашего напряженного состояния, не знаю, что совершается около нас и за нами? Явление редкое, небывалое! До тысячи орудий с обеих сторон гремели, и более 150 тысяч воинов сражались на каком-нибудь четырехверстовом протяжении, считая от деревни Горок до Утицы. История народов и по настоящее время не вписывала еще новой страницы о битве, подобной при Бородине, по числу павших воинов. Но странное, изумительное и непонятное дело: на четырех верстах неумолкаемого грома, яростном наступлении с одной и героической защиты с другой стороны, вдруг, как бы по мановению условного знака какой-либо силы, все смолкло, слышны были лишь одни победные клики. Два полка нашей кавалерии в этот момент бурно мчались среди нестройной толпы бегущего неприятеля, напося смерть и конечное поражение».

Пока шел бой за флеши и за Семеновское, еще невозможно было дать себе приблизительно отчет о чудовищных потерях неприятеля: «Маршал Даву, наступая на укрепления левого фланга у деревни Семеновской, был два раза отброшен с большими потерями к лесу; Ней спешит присоединить к нему свои войска, и оба маршала, пользуясь превосходством числа сил, поддерживаемые кавалерией и промом многочисленных пушек, три раза входили в промежуток укреплений, и солдаты их, падая под сосредоточенным

жестоким картечным и ружейным огнем, умирали под русскими штыками. Твердость, укрепленная верой доблестных наших воинов, выдержала все три напора громадных сил неприятеля, который мужественно отбит подоспевшими к этому времени на подкрепление всего корпуса генерала Багговута, и каждый раз прогоняем был к лесу. Но и мы не остались без потери многих храбрых. Князь Багратион и генерал Тучков 1-й получили смертельные раны. Начальник артиллерии граф Кутайсов убит».

Русский участник боя и очень умный, проницательный и осторожный наблюдатель генерал-лейтенант Богданов вспоминает в своих рукописных заметках, как Наполеон боялся ночью перед Бородинским боем лишь одного: как бы русские не уклонились от сражения, и для него роковой просчет Наполеона был очевиден уже теперь, после первых же часов кровавой схватки: «Едва густые облака порохового дыма, тихо поднимаясь, открыли горизонт; какое ужасающее зрелище представилось глазам, вся площадь от укрепления до ручья Семеновского и реки Колочи была покрыта трупами врагов; на волчьих ямах лежали груды перемешанных людей и лошадей. Неприятель в общем наступлении понес, как видно, громадные потери своих сил. Вся местность пред деревнею Семеновскою, в кустарниках до леса, среди люнетов и далее влево от них, по свидетельству очевидцев, устлана была сплошь телами. Здесь видимо пробил последний час могуществу гордого притеснителя народов и указал начало его падения»²³.

Как глубоко правдиво и проницательно это суждение человека, лишь случайно уцелевшего среди ужасов Багратионовых флешей, Семеновского и Утицы! Он ясно понял уже тогда, на месте еще не кончившегося побоища, что после таких потерь у неприятеля быть победы не может никак, т. е. настоящей победы, той, за которой он гнался два с половиной месяца от Немана до Шевардина.

После гибели Багратиона в командование силами 2-й армии вступил Коновницын, который и отвел войска к деревне Семеновской. Французы заняли флеш и стали укрепляться в них. Коновницын мог бы возобновить борьбу, прося только нужных подкреплений. Но, как сказано, Кутузов не считал нужным удовлетворить явственное стремление неприятеля разыгрывать здесь «генеральную битву» и не только отказал Коновницыну, но и назначил вместо

него командиром осиротевшей 2-й армии Александра Вюртембергского. Александр Вюртембергский поддержал просьбу Коновницына. Тогда Кутузов немедленно заменил и его и приказал Дохтурову принять командование над всеми силами тяжело раненного и унесенного с поля битвы Багратиона. Кутузов предвидел то, что упустили из вида многие, даже очень талантливые и доблестные генералы, вроде любимца Кутузова — Коновницына, которым гордилась русская армия («Коновницын, ратных честь!»). Старый главнокомандующий ожидал того, что и случилось: после овладения флешами Наполеон уже наметил новое направление главного удара или, точнее, усиление уже с утра происходивших атак на позиции центра русской армии.

Густая масса французских войск получила новое задание: овладеть Курганной высотой, разгромив стоящую там батарею Раевского и стоявшие около нее войска.

Вокруг Курганной высоты разыгрался второй основной акт великого столкновения, которое сначала наполеоновские бюллетени, а затем французские историки как старые, так и новые называют «Бородинской победой», но которое было на самом деле, со всякой сколько-нибудь беспристрастно взвешивающей события точки зрения, подвигом русских вооруженных сил, отнявших у Наполеона то, чем он всегда больше всего дорожил, — стратегическую инициативу, а у его армии былую мощь, которой она еще обладала в значительной степени перед Бородинским сражением, — мощь материальную и моральную. Первым актом наполеоновской трагедии, разыгравшейся на полях Бородина, была кровавая борьба за Багратионовы флешы и за Семеновское, вторым — борьба за Курганную высоту. Если французам (в том числе и последнему по времени из них Луи Мадлену) угодно называть победой событие, очень приблизившее французскую армию и французскую империю к пропасти, куда они и свалились, — пусть его так называют вопреки очевидности и здравому смыслу. Для русского народа и для русской истории, воссоздавшей его прошлое, Бородино навсегда останется великим торжеством могучего самоотверженного героизма русской армии, русского военного искусства и народного несокрушимого, гордого самосознания. Первым актом великой исторической трагедии, принесшей России такую немеркнущую славу,

а напавшему на нее агрессору — в близком будущем такую страшную гибель, была борьба за флешы, вторым — бои на Курганной высоте. Дорого, неизмеримо дорого заплатили Наполеон и Франция за обладание в течение меньше чем одних суток этими двумя местами...

Войска после ранения Багратиона отведены были Коновницыным от флешей в полном боевом порядке.

Один из главных просчетов Наполеона в течение Бородинского сражения заключался в том, что он явно считал после исчезновения Багратиона и последовавшего отхода русских сил от флешей дело на левом фланге ликвидированным. А на самом деле оно только вступало в новый фазис.

Было уже около часа дня, когда русские возобновили у Семеновских высот бой «страшным громом артиллерии». С обеих сторон гремело до 700 орудий. Вот показания непосредственного участника этого фазиса новой схватки на левом фланге: «Эта поражающая сцена представила новый пир смерти; трупы падали и покрывали прежние жертвы... Русские стройно и мужественно удерживали порядок и свои места; не раз редели колонны наступавших от картечь и пуль, а бесстрашные из них падали от русских штыков!.. Русские полки тоже много теряли своих храбрых, но за всем тем линии их были в грозном положении. Генерал Дохтуров, предводительствуя ими против громадных масс наступавшего неприятеля, исполнил с твердостью и достоинством возложенное на него доверие в столь важном деле; он являлся повсюду, где только была опасность, и войска мужественно удерживали свои места. — Под ним одна лошадь убита, другая ранена. Наполеон долго колебался затруднительным положением от неудавшихся покушений сломить наши линии...»²⁴. Мюрат, король неаполитанский, еще более усердно и неотступно, чем он это делал вместе с Даву и с маршалом Неем в утренние часы перед Багратионовыми флешами, умолял императора двинуть, наконец, гвардию. И Наполеон уже не отвергал эти просьбы с прежней решительностью и нетерпением, он раздумывал и колебался. Но вдруг примчались адъютанты, привезшие совсем неожиданную весть: русская конница появилась у расположения гвардейских полков и атаковала тылы французской армии! Наполеон снова — не в первый и не в последний раз — убедился, что его «перехит-

рил» тот противник, о котором Суворов говаривал: «Умен, умен! Хитер, хитер!» Не в «хитрости» было дело, а в том, что своим воинским гением, своим проникательным пониманием натуры врага Кутузов учуял, что происходит в эти минуты в уме противника, и решил, что настал момент для смелой и внезапной диверсии.

Одновременно с продолжающимся ожесточенным натиском французской кавалерии на Семеновское усилились атаки в центре русского расположения на батарею Раевского, которые начались еще в утренние часы по приказу вице-короля Евгения после того, как французы овладели Бородином, преодолев ожесточенное сопротивление незначительного отряда егерей.

Стольких поистине несметных человеческих жертв стоило в бородинский день это укрепление на Курганной высоте, такую роль сыграла эта знаменитая в истории Бородинского сражения борьба за батарею Раевского, что очень стоит ознакомить читателя с некоторыми подробностями ее построения, которые дает в своей рукописи военный инженер, ее укреплявший, Богданов 2-й, впоследствии генерал-лейтенант. «В 11-м часу ночи (с 25 на 26 августа 1812 г.— *Е. Т.*) мне дано приказание ехать к генералу Раевскому. Я нашел его на батарее, построенной вследствие сделанного им распоряжения. Батарея была совершенно окончена и орудия стояли на местах». Богданов нашел, что она поставлена хорошо, так как «вся местность, лежавшая перед нею, защищалась сильным перекрестным огнем» с открытой батареей в 60 орудий, поставленных у деревни Семеновской, и двумя батареями: с одной, поставленной у деревни Горки; и другой, принадлежавшей артиллерии 6-го корпуса. Могла сверх этого действовать и артиллерия 7-го корпуса, в помощь 60 орудиям от деревни Семеновской. Богданову понравилось, что батарея была, таким образом, издала защищена сильным перекрестным огнем. Но Раевскому этого было мало: «Генерал Раевский,— пишет Богданов,— принял меня следующими словами: батарею эту мы построили сами; начальник ваш, посещая меня, похвалил работу и расположение; но как открытая и ровная местность может быть атакована кавалериею, то советовал перед батареею, в расстоянии 50-ти сажен, раскинуть цепь волчьих ям; нами это сделано, теперь остается одно и самое важное: неприятель, при

защите нами, может обойти нас и с тылу занять укрепление; нужно положить сильную ему в этом преграду. Осмотрите все и скажите мне, что и как сделать».

Осмотрев батарею, Богданов нашел, что она имела 19 орудий²⁵, протяжение ее кривой линии было до 60 сажен, ширина рва $3\frac{1}{2}$ сажени, глубина у контрэскарпа до $1\frac{1}{2}$ сажени. «Но чтобы дать ей более внутреннего помещения, необходимо требовалось, несмотря на краткость времени, дополнить к ней два фланга земляною насыпью бруствера со рвами, а горжу замкнуть двойным палисадом, с двумя проездами, с иолсадированными в них притворами; лес и железо употребить от разобранных деревень». За работу взялись тотчас же, чтобы окончить ее к рассвету, когда ждали первого нападения на центр нашей позиции. Работали с предельной для сил человеческих энергией и неутомимостью. К $4\frac{1}{2}$ часам утра задание было выполнено. Созданы фланги по $12\frac{1}{2}$ саженьей каждый (их было два), «был углублен в землю на полсажени» палисад (один высотой в 8 футов, другой в $6\frac{1}{2}$ футов).

Осмотрев все сделанное за ночь Богдановым и данными ему для этих земляных работ людьми, Раевский распорядился еще об усилении прикрытия («внутреннего прикрытия») и сказал своим генералам: «Теперь, господа, мы будем спокойны; император Наполеон видел днем простую, открытую батарею, а войска его найдут крепость»²⁶. Когда Богданов оканчивал свою работу, превратившую открытую батарею в крепость (в сомкнутый люнет), то уже рассветало. Издали донеслось до Богданова, Раевского и подъезжавших к ним Ермолова и генерала Ферстера: «Vive l'Empereur!» («Да здравствует император!»). Во французском лагере читался по ротам приказ Наполеона, в котором солдатам обещалась полная победа и благодатный отдых в Москве, ворота в которую откроет предстоящее сегодня торжество непобедимого императора...

И уже очень скоро после того, как батарея Раевского была готова и «внутреннее прикрытие» — около двух тысяч человек — было введено в укрепление, последовал ряд бурных атак со стороны конницы неприятеля. Одновременно надвинулась грозно обострившаяся опасность и на левом фланге — против Семеновского, и в центре — против люнета на Курганной высоте (батареи Раевского).

Здесь произошло событие, которое в своих последст-

виях спасло центральную батарею на Курганной высоте (батарею Раевского) от непосредственной и неотвратимой опасности, оттянуло на несколько часов конец борьбы за нее, ослабило также французские атаки на Семеновское, нанесло новые тяжкие удары французской армии, стоило ей новых жестоких потерь и впоследствии довершило дело русской обороны и на левом фланге и в центре, расстроив и ослабив наполеоновские вооруженные силы и лишив Наполеона победы. Мы говорим о внезапном, нонстине гениальном распоряжении Кутузова, последовавшем после первых же атак на центральную батарею, когда эти атаки становились (после занятия французами флешей) все грознее и ожесточеннее.

Вот как описывает эту творческую минуту русского стратега неотлучно в это время при нем находившийся адъютант его и историк Михайловский-Данилевский. Когда Кутузов был при Горках и, желая лучше обозреть местность, «възъехал на курган», на котором находилась батарея в три орудия, то «следствием сего личного обозрения были два, отданные Кутузовым приказания. 1) Милорадовичу с стоявшим на правом крыле 4-м пехотным корпусом, графа Остермана, и 2-м кавалерийским, Корфа, сблизиться к центру; 2) Платову, с казаками, и Уварову, с 1-м кавалерийским корпусом, переправиться вброд через Колочу... и атаковать левое крыло неприятеля. Сим движением князь Кутузов надеялся отвлечь внимание Наполеона и оттянуть часть сил его от нашего левого крыла». Приказание было немедленно передано, и казачья конница Платова (девять казачьих полков) и кавалерия Уварова помчались со своих позиций, направляясь к тылам левого крыла неприятельской армии. Этот кавалерийский рейд был совершенной неожиданностью и для Наполеона, и также почти для всего русского командного состава. Смятение на левом крыле французов сначала принимало уже характер возникавшей местами паники. Стремительность движения русской конницы, громовое казачье «ура!» и невозможность даже приблизительно сообразить, что произошло, — все это парализовало в течение нескольких мгновений всякое сопротивление. Наполеон заметил издали, что произошло нечто необъяснимое на левом фланге. Не получив сразу же сколько-нибудь толкового и вероподобного объяснения причины происшедшего смятения и не дож-

давшись возвращению Уварова и Платова, которые получили приказ Баркляя и умчались из французского расположения так же стремительно, как налетели. Наполеон под первым впечатлением стрелой полетел к своему левому флангу, перед этим он отдал несколько важных распоряжений. Во-первых, он отменил уже данное им только что перед этим повеление о новом нападении сил вице-короля на Курганскую высоту; во-вторых, он, только что отдавший приказ, которого у него так долго и напрасно просили маршалы еще во время сражения у Багратионовых флешей — о выступлении полков молодой гвардии в помощь кавалерии вице-короля и Мюрата, — отменил этот приказ и велел немедленно вернуть молодую гвардию в ее исходное положение. Это в высшей степени кстати облегчило положение русских, потому что, как свидетельствует адъютант Кутузова, «сила войск наших, при всем их мужестве, начинала истощаться». Ведь одновременно с атаками на батарею Раевского (в центре) продолжались яростные атаки французов (кирасир и конных гренадер) на войска левого фланга — остатки геройских дивизий Воронцова, Неверовского, принца Мекленбургского. Они продолжали после взятия флешей свою борьбу на позициях, куда отступили.

Когда Кутузов отдал свой спасительный приказ о смелой наступательной диверсии Уварова и Платова, он сам находился в смертельной опасности. Вот показание того, кто был с ним рядом. «Желая лично удостовериться в справедливости донесений, князь Кутузов въехал на пригорок, осыпаемый обломками гранат, летавшими во все направления. На волоске была жизнь того, на ком лежала надежда России. Тщетно уговаривали его спуститься с пригорка, и когда никакие убеждения не действовали на Кутузова, адъютанты взяли его лошадь за узду и вывели его из-под выстрелов».

Кутузов, к счастью, уцелел от смертельной опасности и мог очень скоро заметить и учесть первые последствия своих распоряжений. Как раз перед нападением Уварова и Платова на тылы левого французского фланга Наполеон чувствовал себя уже до такой степени победителем, что решил, что на этот раз можно для ускорения победы послать молодую гвардию, и вдруг все переменялось: «В подкрепление кавалерийских атак Мюрата послал он молодую гвардию. Назначенная решить участь сражения, гвардия

тронулась, но едва прошла небольшое расстояние, Наполеон неожиданно заметил на своем левом фланге появление русской конницы, отступление колонн вице-короля, беготню и тревогу в обозах и в тылу армии. Остановив молодую гвардию, Наполеон сам отправился к вице-королю, желая узнать о причине замечаемого у него смятения».

Уваров произвел два нападения на войска вице-короля и отошел по приказу, посланному Кутузовым, который был вполне доволен удавшейся демонстрацией. Сам Уваров так увлекся, что не послушался первого приказа, и Кутузов принужден был категорически повторить свой приказ. Со своей стороны казаки Платова перешли вброд через речку Войку и внесли большую сумятицу в тылу Наполеона, — и французские обозы в величайшем беспорядке обратились в бегство, и не сразу можно было их остановить и устроить. Об этом свидетельствуют уже не только русские участники дела, но и французы. Платов, выполнив свое поручение, вернулся вместе с Уваровым только по приказу.

Целых два часа потерял Наполеон из-за этой гениально задуманной и блестяще выполненной кутузовской диверсии, и эти два часа оказались потерей для французов невознаградимой. «Вдруг изменился вид дел», — по мнению лиц, бывших в этот момент в окружении Кутузова. Защитники батареи Раевского (центральной батареи) получили передышку, русское командование подтянуло подкрепления.

К центру расположения русской армии подошел корпус графа Остермана (с правого фланга). А с левого фланга Дохтуров привел то, что оставалось еще в живых от 2-й (бывшей багратионовской) армии, а также гвардейские полки Преображенский и Семеновский, которые были вытребованы еще Багратионом как подкрепление. Самым ответственным пунктом, на который был направлен разом с нескольких сторон жесточайший огонь, сделалась все та же «курганная», или «центральная», батарея Раевского, которая благодаря укреплениям превратилась, как сказано, в «сомкнутый люнет» — так определил ее строитель, генерал-лейтенант и главный инженер Богданов в уже цитированной его рукописи.

Батарею Раевского при возобновлении битвы на Курганной высоте после переполоха, вызванного нападением

на тылы Наполеона со стороны Уварова и Платова, занял начальник 24-й дивизии Лихачев со своей пехотой. Отчаянно усилившиеся кавалерийские атаки французов все более сосредоточивались на дивизии Лихачева. Французы потеряли Монбрена, потеряли Коленкура, но уже не считались ни с какими потерями. «Неприятельская пехота взбиралась на вал со всех сторон; ее опрокидывали штыками в ров, наполнившийся трупами убитых; свежие колонны заступали место и с новою яростью лезли умирать; наши встречали их с равным ожесточением и сами падали вместе с врагами»²⁷. Таков рассказ Михайловского-Данилевского, адъютанта Кутузова в течение всего Бородинского боя.

Перебиты были почти все солдаты той части Лихачева, которая занимала батарею. Сам он весь в крови от нескольких тяжелых ран пал на землю, теряя сознание. Он был поднят и только потому не прикончен французским кирасиром, что был признан по мундиру за генерала. Его, израненного и облитого кровью, понесли перевязывать, а затем представили Наполеону, который тотчас же вернул ему шпагу.

Момент жесточайшей опасности для «большой батареи», как называл Наполеон все время батарею Раевского, наступил тогда, когда Наполеон приказал вице-королю Евгению отрядить для овладения ею три пехотные дивизии (в их числе образцовые дивизии Морана и Жерара) и кавалерийский корпус Груши. Но и этого Наполеону показалось мало, хотя уже этих сил, данных Евгению для нового штурма большой батареи, казалось бы, было достаточно ввиду их подавляющего перевеса над силами защитников. Но Наполеон после ужасов, пережитых в утренние часы при атаках флешей, и после новых страшных потерь, испытанных уже французами только что, тут же на Курганной высоте, решил, что большая батарея должна быть атакована одновременно с двух сторон: с фронта, куда двинется вице-король, и с тыловой части батареи (на левом фланге защитников).

Для выполнения этого плана Мюрат, распорядившись кавалерией, приказал генералу Коленкуру (брату обершталмейстера бывшего посла при русском дворе) и Монброну, начальнику 2-го кирасирского корпуса, опуститься с Семеновской возвышенности, промчаться по долине до

батареи Раевского и с хода атаковать тыл ее. Но бурный натиск кирасир был почти тотчас же сломлен, атака отбита, и в разгаре боя пал сначала генерал Монбрен, а потом и генерал Коленкур. Не имела успеха в попытке вытеснить русских из люнета Раевского и другая конная часть (два французских карабинерных конных полка и бригада корпуса Латур-Мобура — саксонская бригада Тильмана). Русские отбили, таким образом, все атаки могущественной конницы неприятеля. Русский военный критик Липранди со справедливой иронией отмечает созданную трудолюбивыми стараниями французских и немецких историков извращенную картину конца боя за овладение батареями. Тильмана с его саксонцами русские отбросили убийственным огнем, и ни малейшего успеха ни немцы Тильмана (из корпуса Латур-Мобура), ни французы тут не имели. Даже такие сравнительно меньше фантазирующие немецкие историки, как Шнейдевинд, «хоть и не натягивают подвигов на своих брудеров», но все-таки лживо хвастают: «итог, ими же самими высказываемый, обличает их, им (немцам — *Е. Т.*) хочется показать, что, мы-де били русских лучше, нежели то делали тогдашние наши господа французы».

Против огня русской пехоты, поддержанной артиллерией, массированная для атаки французская кавалерия ничего поделать не могла. Целая вереница ложных показаний иностранцев (на этот раз еще более немцев, чем французов), замалчивая геройские контратаки русской конницы и пехоты, повторяет выдумки о сыгравшем третьестепенную роль Тильмане и саксонской бригаде. Не последнее место среди этих фальсификаторов истории Бородине занимает флигель-адъютант Александра I Вольцоген, фаворит царя, состоявший при Барклае де Толли, тот самый, о котором Лев Толстой, приведя *точные* сказанные этим пруссаком слова, говорит устами одного из героев своего бессмертного романа, что такие, как Вольцоген, отдали Наполеону всю Европу, а потом приехали в Россию, чтобы учить русских, как надо вести войну против Наполеона. Вольцоген тоже затушевывает тот безусловно точный факт, что батареями Раевского овладели после самого истребительного побоища три пехотных корпуса, отряженные, как выше было сказано, Наполеоном в распоряжение вице-короля Евгения Богарне. Этот Вольцоген, которого, кстати

заметим, окружение Багратиона в начале войны подозревало в шпионстве, тоже стремился, «как немец „приплести“ Тильмана: нужно же было показать, что и мы-де пахали и торжествовали над русскими»²⁸.

Ряд показаний непосредственных участников боя свидетельствует, что не только раздражение, но и смущение и недоумение все более и более овладевали Наполеоном по мере того, как в каждой стадии Бородинского боя являлись перед ним новые и новые массы русских войск, яростно отбивавших его атаки. В разгаре боя на Курганной высоте Наполеону пришла в голову очень его обеспокоившая мысль, что перед ним уже стоят свежие русские полки, подоспевшие на помощь Кутузову с Дуная. А он от самого начала вторжения в Россию тешил себя иллюзией, будто турки, по его же наущению, нарушат Бухарестский мир и возобновят войну против России. Вот характерное, со слов Лихачева, свидетельство Сергея Глинка: «Когда русская гвардия выдержала и отразила торократные усилия конных французских гренадер и кирасиров, названных Наполеоном *железным войском*, и когда русская конница в свою очередь угрожала левому крылу его: тогда Наполеон громаду войск своих опрокинул на средину русских полков, стоявших на кургане... Гвардия двинулась ближе и к смерти и к пагубе врагов. Валовой напор устремляется на укрепление, где начальствовал генерал Лихачев... Отражен первый порыв. Гуще стесняет Наполеон ряды свои и яростнее нападает. По трупам павших его полков летят новые, укрепление захвачено. Лихачев, обогранный кровью, текущею из ран... отбросив от себя жизнь, ворвался в ряды неприятельские на явную смерть. Он захвачен в плен и представлен Наполеону... Спрашивая Лихачева о войне русских с Турцией, он (Наполеон — *Е. Т.*) узнает, что война уже кончена и что полки русские, из пределов Турции, выступили в Россию»²⁹. Но никто из Молдавской армии не успел и не мог успеть принять участие в Бородинском сражении.

И русские, и французские очевидцы и соучастники борьбы, кипевшей у батарее Раевского, оставили незабываемые картины этой битвы. Именно об этой стадии Бородинского боя говорят показания русских солдат и офицеров, легшие в основу, например, истории Московского полка, которому суждено было, заметим кстати, сыграть

такую почетную роль впоследствии в восстании декабристов. Вот что записано тут о Бородине и, в частности, о защите батареи Раевского: «Трудно себе представить ожесточение обеих сторон... Многие из сражавшихся бросали свое оружие, сцеплялись друг с другом, раздирали друг другу рты, душили одни других в тесных объятиях и вместе падали мертвыми. Артиллерия скакала по трупам, как по бревенчатой мостовой, втискивая трупы в землю, упитанную кровью. Многие батальоны так перемешались между собой, что в общей свалке нельзя было различить неприятеля от своих. Изувеченные люди и лошади лежали группами, раненые брели к перевязочным пунктам, куда могли, а выбившись из сил, падали, но не на землю, а на трупы павших раньше. Чугун и железо отказывались служить мщению людей; раскаленные пушки не могли выдерживать действия пороха и лопались с треском, поражая заряжавших их артиллеристов; ядра, с визгом ударяясь о землю, выбрасывали вверх кусты и взрывали поля, как плугом. Пороховые ящики взлетали на воздух. Крики командиров и вопли отчаяния на десяти языках заглушались пальбой и барабанным боем. Более нежели из тысячи пушек с обеих сторон сверкало пламя и гремел оглушительный гром, от которого дрожала земля на несколько верст. Батареи и укрепления переходили из рук в руки. Ужасное зрелище представляло тогда поле битвы».

Несколько раз батарея Раевского и «горжа», к ней ведшая, переходили из рук в руки. Русская пехота штыками, русская артиллерия усиленным огнем отбрасывали и истребляли кирасир, улан, пехотинцев, которые взбирались на высоту, успевали переколоть защитников, но отбрасывались прочь подоспевшими подкреплениями. Страшное побоище окончилось взятием батареи, прямо покрытой на всех подступах густыми пластами трупов русских и французов.

Битва продолжалась после занятия неприятелем люнета (батареи Раевского) еще несколько часов как на левом фланге, где командовавший генерал Дохтуров успешно отразил ряд новых и новых атак и где Понятовскому с большими потерями удалось несколько потеснить Багговута, после чего Багговут отшвырнул Понятовского, нанеся ему потери, в центре и на правом фланге в последние

часы боя (от взятия батареи Раевского до 7-го часа вечера) происходила артиллерийская перестрелка. Гора трупов покрывала Курганную высоту. В памяти очевидцев остались «табуны лошадей без всадников», которые, «разметав гривы, ржали, бегали посреди мертвых и раненых, по полю разбросаны были подбитые орудия, остовы ящиков»³⁰.

Вечерело. Темнота усиливалась большой облачностью. Сражение окончилось. С поля неслись крики и стоны раненых, которым трудно было подать даже малую помощь. В первые часы наступавшей ночи обе армии оставались приблизительно на тех местах, на которых их застал конец сражения. Первыми отошли от поля умолкшей битвы французы. Перед уходом Наполеон отдал приказ своим войскам очистить Багратионовы флеши, Семеновское, деревню Бородино, Курганную высоту с ее разрушенным люнетом, батареей Раевского, где пали тысячи людей, где нашел смерть высококадровый начальник русской артиллерии Кутайсов при удавшейся в разгаре боя попытке Ермолова вернуть временно отбитую французами батарею и где были убиты лучшие наполеоновские генералы Монбрен, Коленкур, взят в плен исколотый штыками генерал Бонами...

Угрюмый, раздраженный, молчаливый, в сопровождении небольшой свиты, не смевшей с ним говорить, проезжал Наполеон по тем местам Бородинского поля, где могло ступить копыто лошади [лишь] между валявшимися всюду трупами и стонавшими искалеченными и израненными людьми. Свита заметила, что русские гораздо меньше стонут, чем солдаты вторгшейся в Россию армии разноплеменных национальностей, и несравненно мужественнее переносят свои тяжкие мучения.

Кутузовский генералитет оказался на высоте в лице прежде всего главных начальников. Падают один за другим герои на флешах и на Семеновской возвышенности, и Кутузов сейчас же находит, кем их заменить. Уносят тяжело раненного Багратиона, и сейчас же является на его посту Дохтуров, а еще раньше прибытия Дохтурова Коновницын, и в этот совсем короткий промежуток времени своего высшего начальствования он успевает нанести тяж-

кий удар наполеоновским кирасирам. Вспоминает он о своих подвигах так. Еще до ранения Багратиона Коновницын стал перед Семеновскими высотами, уже взятыми неприятелем. «Я их рассудил взять. Моя дивизия за мною последовала, и я с нею очутился на высотах и занял прежние наши укрепления. При сем довольно счастливом происшествии получаю известие, что Багратион и его генерал-штаб (начальник штаба 2-й армии — *Е. Т.*) Сен-При ранены, коих уже понесли, и мне, как на сем пункте старшему, Багратионом оставлено главное начальство; для чего должен был я тотчас войти в новое начальство, ориентироваться во всем, что есть, до присылки генерала Дохтурова»³¹.

Но вот наступает момент, хорошо нам известный из других показаний. На Коновницына налетает массивная конница. «Видя стремление всей неприятельской кавалерии, от коей тучи пыли до небес столбом показывали мне ее ко мне приближение, я с Измайловским полком, устроив ему шахматное каре, решился выждать всю неприятельскую кавалерию, которая в виде вихря на меня налетела. Такого рода были три неприятельские атаки и все безуспешные. Измайловские гренадеры, не расстраивая строя, бросились на гигантов, окованных латами, и свергали сих странных всадников штыками». Кутузов имел полное основание полагаться на Багратиона, смертельно раненный Багратион — на Коновницына, Коновницын — на свою 3-ю пехотную дивизию, отбрасывавшую штыками отборные кирасирские части Наполеона... Измайловский и Литовский полки понесли страшные потери в этом штыковом бою, но и нанесли тяжкий урон дивизии Фриана, которая заняла в продолжение жестоких боев Семеновское и большой овраг его. И все-таки русские гвардейцы, измайловцы и литовцы, до конца сражения не были выбиты полностью из Семеновского так же, как Финляндский гвардейский полк, а оставались, отступив повыше от оврага. В рукописи генерал-лейтенанта Богданова говорится следующее о событиях, происшедших на Семеновской возвышенности после взятия трех Багратионовых флешей (семеновских люнетов, как он их называет): «Люнеты были уже заняты неприятелем, и войска наши отступили и устраивались на высотах по ручью Семеновскому, где все стремления французов сбить наши линии

остались безуспешными до конца сражения»³². Это точное и категорическое показание активнейшего участника и очевидца имеет в данном случае решающее значение. Значит, и на левом фланге французам до самого конца битвы не удалось достигнуть окончательно своей цели, вопреки утверждениям французских источников.

После ранения Багратиона, после некоторого (незначительного) отступления под начальством Коновницына и затем прибытия вновь назначенного начальника войск левого крыла армии Дохтурова яростная борьба за флешы возобновилась, и одна за другой последовал ряд ожесточенных атак. И одновременно с продолжением с переменным успехом борьбы за флешы и за Семеновскую возвышенность усилились наступательные действия французов в центре. Первая большая атака на «сомкнутый люнет» (батарею Раевского) была блестяще отбита и стоила неприятелю громадных потерь еще до того, как атакующие приблизились к люнету: «...неприятель, выстроившись к атаке, должен был двигаться по ровной открытой площадке до 400-т саж. в густых массах; попасть под прицельный огонь с сомкнутого люнета и потом войти в сферу картечного огня более 200 пушек дело нелегкое. Трудно сохранить... хладнокровие, когда люди ложатся и умирают сотнями»³³. Это была первая отбитая попытка французов «с хода» взять люнет; первая — но не последняя.

Одно за другим Наполеон посылал вице-королю, по его настойчивым просьбам, значительные подкрепления. Но когда совершенно неожиданно для Наполеона, считавшего уже дело с флешами поконченным, вдруг уже после ранения Багратиона русские вновь выбили французов из флешей, были затем выбиты французами и снова почти тотчас же были со страшными потерями выбиты русскими, то император должен был отказаться от посылки против центра русской позиции больших кавалерийских масс, пока не удастся окончательно оттеснить русские войска от флешей и от ключевых пунктов на восточной части Семеновской возвышенности. Но когда флешы были, наконец, взяты снова, то Мюрат произвел бурное нападение массивной кавалерией. Легкая и часть тяжелой кавалерии были брошены на Семеновскую высоту и хотя не овладели ею окончательно, несмотря на большие потери, но двинулись дальше, к центру русской позиции, к Курганной высоте.

Тут произошла жестокая схватка в борьбе за батарею (точнее, «сомкнутый люнет»), в который обращена была эта центральная батарея Курганной высоты.

Вот что читаем в позднейшем рапорте начальника правого фланга Барклай де Толли главнокомандующему Кутузову об одном из поразительных подвигов русских войск. Этот подвиг дал возможность спасти люнет (батарею Раевского или, как называет ее Барклай, «центральную батарею») от немедленного овладения неприятелем. Обстрел этого пункта французской артиллерией становился жесточе с минуты на минуту. Названную батарею Барклай считал «ключом всей нашей позиции». Вот что доносит он Кутузову: «Вскоре после овладения неприятелем всеми укреплениями левого фланга, сделал он под прикрытием сильнейшей канонады и перекрестного огня многочисленной его артиллерии атаку на центральную батарею, прикрываемую 26-ю дивизиею. Ему удалось оную взять и опрокинуть вышесказанную дивизию, но начальник главного штаба 1-й армии, генерал-майор Ермолов с обыкновенной своей решительностью, взяв один только 3-й батальон Уфимского полка, остановил бегущих и толпою в образе колонны ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко, батареи его делали страшное опустошение, но ничего не устояло. Вслед за означенным баталионом послал я еще один баталион, чтобы правее сей батареи зайти неприятелю во фланг, а на подкрепление им послал я Оренбургский драгунский полк еще правее, чтобы покрыть их правый фланг и врубиться в неприятельские колонны, кои следовали на подкрепление атакующих его войск. 3-й батальон Уфимского полка и 18-й егерский полк бросились против них прямо на батарею, 19-ый и 40-ой егерские полки по левую сторону оной и в четверть часа наказана дерзость неприятеля: батарея во власти нашей, вся высота и поле около оной покрыты телами неприятельскими. Бригадный генерал Бонами был один из неприятелей, снявший пощаду, и неприятель преследован был гораздо далее батареи. Генерал-майор Ермолов удержал оную с малыми силами до прибытия 24 дивизии, которой я велел сменить расстроенную неприятельской атакой 26 дивизию, прежде сего защищавшую батарею, и поручил сей пост генерал-майору Лихачеву». Но опасность для центральной батареи (люнета Раевского) этим еще не была устранена,

потому что одновременно шла громадная кавалерийская атака на 4-й корпус, которым Барклай прикрыл отчасти и батарею Раевского от перекрестного огня, который бил по ней и с правой стороны, где действовала неприятельская артиллерия, направленная против этой батареи, и с левой стороны, откуда защитников батареи громили орудия, утвердившиеся на позициях, занятых французами после отхода русских. Опустошения, произведенные этим перекрестным огнем в составе 4-го корпуса, были очень значительными, но дух солдат и офицеров оставался на прежней, всегдашней высоте. Вот как продолжает Барклай свое донесение Кутузову, только что рассказав о подвиге Ермолова и его солдат: «Во время сего происшествия неприятельская конница, кирасиры и уланы, повели атаку на пехоту 4 корпуса, но сия храбрая пехота встретила оную с удивительною твердостью, подпустила ее на 60 шагов, а потом открыла такой деятельный огонь, что неприятель совершенно был опрокинут и в большом расстройстве искал спасение свое в бегстве»³⁴. Это бегство сопровождалось огромными потерями для бегущих, потому что преследовать их было велено четырьмя русскими полками (двум гусарским и двум драгунским). Преследуемые французы бежали почти через все поле сражения, пока не спаслись под прикрытием своих резервов. Но четыре кавалерийских полка (два гусарских — Сумский и Мариупольский и два драгунских — Иркутский и Сибирский) прекратили преследование, только когда неприятельская конница с подкреплением из резервов снова перешла в атаку и напала на тылы 4-й и 11-й пехотной дивизии. Здесь ее встретил убийственный огонь пехоты («бесподобной пехоты», как пишет в своем донесении Кутузову Барклай де Толли). И русские снова прогнали неприятельскую конницу. Ермолов был тяжело ранен и должен был передать пачальство над отбитой им батареей совсем больному начальнику 24-й дивизии Лихачеву. Последовал новый штурм батареи французской кавалерией, и снова был отбит. Наполеон решил повторить в самых обширных размерах атаку на люнет, чтобы любой ценой овладеть им. Это ему удалось, несмотря на неисчислимые жертвы, но Барклай утверждает, что французам помогла лишь случайность: Барклай послал за 1-й кирасирской дивизией, «которая однако же по несчастью, не знаю кем,— пишет он,— была отослана на

левый фланг и адъютант мой не нашел опую на том месте, где я предполагал ей быть. Он достиг л.-гв. Кавалерийский и Конный полк, которые на рысях поспешили ко мне; но неприятель успел между прочим совершить свое намерение; неприятельская конница врубилась в пехоту 24-й дивизии, которая поставлена была для прикрытия батареи на кургане, а с другой стороны сильные неприятельские колонны штурмовали сей курган и овладели оным». После чего [пишет далее Барклай] еще завязалась «жестокая кавалерийская битва, которая кончилась тем, что неприятельская конница к 5 часам совершенно была опрокинута и отступила вовсе из вида нашего, а войска наши удержали свои места, исключая курган, который остался в руках неприятеля».

Почти 2 тысячи человек, составлявшие, по свидетельству Богданова (в его цитированной мной рукописи), «внутреннее прикрытие» люнета (батареи Раевского), отказались сдаться ворвавшимся французам и были там же переколоты и зарублены в последней отчаянной схватке, откуда, впрочем, ушла живой тоже лишь очень небольшая кучка атаковавших неприятелей. Но вокруг взятого люнета кипел еще бой, и русская артиллерия, особенно многочисленная и превосходно стрелявшая с кургана на Горках, не ослабила, а, напротив, усилила свой огонь тотчас после взятия люнета. Гремели со стороны Семеновского также и батареи Дохтурова.

Горки были к этому времени так укреплены, как никогда за все сражение. Там уже образовалась новая линия войск, начиная от 6-го корпуса и остатков 2-й армии, отступивших после взятия флешей сначала под начальством Коновницына, а потом Дохтурова, из 4-го корпуса и 2-го и 3-го корпусов, приведенных Багговутом после оставления Утицкого кургана. Эта линия войск примыкала к Горецкому большому редуту, снабженному мощными и прекрасно действовавшими батареями. Эта линия была уже началом создания «третьей позиции» русской армии.

Наполеон был неспокоен и раздражен. У подножия кургана, где находилась артиллерия Горок, был лесок, который на глазах наблюдавших издали нескольких русских офицеров «вдруг запестрел толпой всадников... Между людьми савановитыми, на прекрасных лошадях, среди пестрых мундиров, блестящих богатыми эполетами, радуж-

ными цветами орденских лент и знаками отличия, отличался один без всякого знака. Он ехал на маленькой арабской лошадке, в серой шинели, в простой треугольной шляпе»³⁵. Это Наполеон со штабом и свитой подъехал к полю боя. Он намеревался отдать приказ штурмовать и взять курган Горок («горецкие батареи»). «Оставляя свиту за лесом», Наполеон подъехал ближе к Горецкому кургану, взяв с собой лишь Бертье, Дюрока, Бессьера и обершталмейстера Коленкура (брата только что перед этим убитого на батарее Раевского генерала Коленкура). Подъехал к императору и Мюрат. «Упрямо хотел он захватить курган Горецкий. „Где ж наши выгоды?“ — говорил упрямо Наполеон. — „Я вижу победу, но не вижу выгоды!“». Ясно было всем, что необходимо как можно скорее заставить замолчать губительный огонь артиллерии Горок, но и Наполеону и его штабу стало не менее ясно, что сделать это нельзя без новых самых тяжелых потерь. Начальник штаба Бертье заговорил: «Войска наши утомлены до изнеможения... Одна надежда на гвардию! — Мы в 600 милях от Франции!.. Мы потеряли до 30-ти генералов. Чтоб атаковать курган (Горок — *Е. Т.*), надобно жертвовать новыми войсками, ожидать новых потерь. И что ж будет, если захватим батарею? Получим в добычу еще одну горстку русских — и только. Нет, государь... наша цель Москва! Наша награда в Москве!».

Этот диспут пришлось круто прервать: «Не здесь, государь! Ваше место! Смотрите: русские нас заметили, на нас наводят пушки!»

Наполеон отъехал, отказавшись штурмовать Горки. Это было приблизительно в пятом часу пополудни. А спустя часа два (после 6 часов и позже) император отказался также от попытки прорыва новой позиции русских войск, устроенной Кутузовым в вечерние часы и закрывавшей перед ним обе дороги в Москву — одну северную, пролежавшую близ тех же Горок, и другую южную, проходившую близ Утицы. Во всяком случае Наполеон принужден был признать, что путем военной победы над русской армией ему войти в Москву не удастся.

Французские историки сплошь, даже те, которые соглашались признавать ошибки и просчеты Наполеона, очень подчеркивают такие «извиняющие» обстоятельства, как «нездоровье» императора, породившее именно в день

Бородине его нерешительность, и т. д. О том, почему хилый, израненный и потерявший глаз в былых сражениях 67-летний старик, которому оставалось жить семь месяцев, должен считаться более здоровым и крепким, чем 43-летний император (чуть ли не во всех бюллетенях и письмах из России в Париж твердивший о своем вожделенном здравии), — это объясняется исключительно тем, что при Бородине Наполеон потерпел поражение, а Кутузов имел успех. Но почему распоряжения Наполеона объясняются его не существовавшей «нерешительностью»? Это по меньшей мере наивно и рассчитано на невежество читателей. Вот после взятия люнета Раевского он стоит перед Горками. Около него начальник его штаба маршал Бертье, король неаполитанский Мюрат, бывший его посол в Петербурге обер-шталмейстер Коленкур, храбрец маршал Бессьер. Что же, они тоже все вместе и порознь каждый внезапно заболели и стали такими же «нерешительными», как и сам Наполеон? А они единодушно, с жаром убеждали его, что штурмовать Горки невыносимо. Нет, Наполеон и его штаб никогда до войны 1812 г. нерешительностью не страдали. Но между ранними утренними часами 7 сентября, когда они громко говорили о новом Аустерлице, и пятым часом пополудни, когда император и его свита отъехали прочь от Горок, или шестым и седьмым часом пополудни, когда перед ними стеной стала новая линия русских войск. «третья позиция», легло уже грозное, кровавое Бородино, страшнейшее из «пятидесяти сражений», которые за всю свою жизнь Наполеон дал и поминал впоследствии. И повторить борьбу за флеши или за батарею Раевского уже представлялось просто невозможным, — и никакая решительность и никакие 20 тысяч гвардейского резерва уже ничего тут коренным образом исправить не могли.

Так окончилась борьба за центральную батарею (люнет Раевского) на Курганной высоте.

Как ответить совершенно беспристрастно на вопрос, что дала Наполеону эта новая, еще превозшедшая бойню за Багратионовы флеши, страшная резня в центре русской армии? Ровно ничего: удовольствие владеть батареей Раевского с четвертого часа пополудни 26 августа (7 сентября) до предрассветных часов 27 августа (8 сентября): «гене-

ралу-от-инфантерии Милорадовичу поручил я [писал Кутузов] перед рассветом снова занять курган, против центра лежащий, несколькими батальонами и артиллерией». Милорадович уже никого не нашел на батарее: французы покинули ее еще раньше, чем стала ночью уходить вся наполеоновская армия. Вдумаемся хотя бы в этот факт: ведь Наполеон не торопился бы так, в виду своей армии, уходить поскорее и подальше, если бы у него была хоть тень надежды на возобновление Кутузовым сражения *на другой день* (а это предположение владело умами его штаба и им самим вечером 26 августа), — он ни за что не отказался бы от спешного приведения в порядок укрепления, стоившего столько французской крови. Но он явно *не желал* возобновления битвы, зная, что немедленного нового Бородина его армия может не выдержать. И самые пылкие его бойцы, и «храбрый из храбрых» маршал Ней, как его справедливо назвал император, и лихой кавалерист Мюрат, король неаполитанский, и маршал Даву, герой громадных выигранных им битв при Ауэрштадте, при Экмюле, и не думали его отговаривать от скорейшего ухода с поля битвы. Они-то знали очень хорошо, что битва ими не выиграна, как велено было говорить, а проиграна, и что их солдаты, такие же испытанные в боях храбрецы, как и они сами, так мрачны не потому, что ложатся спать голодными (провиант и рационы водки, как везде у них было в эту кампанию, опоздали), а потому что русские разгромили их лучшие корпуса. Громкоголосый хор стонов и хрипа искалеченных и умирающих товарищей мешал их сну, несмотря на страшную усталость.

Генерал-майор граф Кутайсов, начальник артиллерии русской армии, был убит в борьбе за батарею Раевского, но его предсмертный приказ исполнялся в точности его артиллеристами, любившими и помнившими его геройскую роль еще со времени битвы под Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 г.: «Подтвердить от меня во всех ротам, чтобы они с позиции не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем гг. офицерам, что, отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу позиции. Артиллерия должна жертвовать собою: пусть возьмут Вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустить в упор, и батарея, которая таким обра-

зом будет взята, нанесет неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий»³⁶.

Завет Кутайсова был исполнен в точности до победоносного для русской артиллерии конечного момента Бородинского сражения.

Дружная взаимопомощь всех родов оружия в Бородинском сражении сказывалась на каждом шагу на всех стадиях борьбы за батарею Раевского. Вот типичная в этом смысле картина с натуры последних боев перед батареей Раевского. Французы шли колонной. «Колонна эта была похожа на непрерывный прилив и отлив моря, — писал Н. Любенков, — она то подавалась назад, то приближалась, в некоторые мгновения движения ее от действия нашей батареи были на одном месте, она колебалась, вдруг приблизилась. Эскадроны уланского полка бросились в атаку, но по малому числу людей не могли выдержать ее; колонна открыла убийственный батальный огонь, кавалерия наша была отбита и возвратилась. Граф Сиверс, бесстрашие которого в этот день было свыше всякого описания, видя, что не остается у нас более зарядов, приказал взять на передки, и прикрыл наше отступление егерями.

Мы сделали последний прощальный залп из целой батареи. Французы совершенно смешались, но опять строились почти пред батареей; тут Рязанский и Брестский полки грянули ура! и бросились на штыки. Здесь нет средств передать всего ожесточения, с которым наши солдаты бросились; это бой свирепых тигров, а не людей, и так как обе стороны решились лечь на месте, изломанные ружья не останавливали, бились прикладами, тесаками; рукопашный бой ужасен, убийство продолжалось с полчаса. Обе колонны ни с места, они возвышались, громоздились на мертвых телах. Малый последний резерв наш, с громовым ура! бросился к терзающимся колоннам, более никого уже не оставалось — и мрачная убийственная колонна французских гренадер опрокинута, рассеяна и истреблена; мало возвратилось и наших. Единоборство колонн похоже было на бойню, лафеты наши были прострелены, люди и лошади перебиты... мы все были окровавлены, одеяния наши изорваны... лица наши в пыли, закоптелые пороховым дымом, уста засохли... Ночь провели на трупах и раненых...»³⁷.

Тут приходится коснуться пресловутой легенды, кото-

рая в различных выражениях и словесных сочетаниях приписывается французскими историками (а за ними и историками других национальностей) Наполеону. Мы говорим о словах, сказанных Наполеоном в ответ маршалам, просившим у него, чтобы он позволил дать гвардию: император будто бы ответил, что за столько-то лье (цифра варьируется) от Франции он не может рисковать последним резервом. Тут сомнению подвергается не вопрос, а ответ, точнее: как должно объяснять эти слова Наполеона. Конечно, маршалы просили у императора гвардию или часть гвардии, видя, что они и у флешей и, позднее, у батареи Раевского не могут, неся огромные потери, справиться с русской отчаянной обороной. Наполеон едва ли мог сказать (если бы даже так думал) о гвардии, как о своем «последнем резерве», тем более, что в свое время он уже и решил пустить в дело в этом же Бородинском сражении молодую гвардию, причем этот приказ никакого действия на военные события не оказал. А не дал он всей гвардии по той весьма удобопонятной причине, что Кутузов так умело и всесторонне обдуманно воспользовался преимуществами избранной местности и так удачна была тактика его обороны, что и гвардия уже не могла помочь одержать ту победу, которая была Наполеону нужна. Если бы он и дал всю гвардию, он, правда, мог бы рассчитывать скорее взять Багратионовы флеши и потеснить русские войска несколько раньше, чем это случилось в действительности. А дальше? Ведь, даже уложив на этом деле всю гвардию или хоть часть ее, разве мог Наполеон достигнуть того, что ему было единственно необходимо? То есть, разве мог бы он тотчас же после взятия флешей «с хода» бросить массивированную пехоту и конницу от Семеновского на центр русской позиции, овладеть штурмом Курганной высотой и батареей Раевского (уже после ночных и предутренних часов работы превращенной в очень укрепленный «сомкнутый люнет», как ее называл один из ее строителей, военный инженер Богданов). Ничего подобного ни Наполеон, ни Евгений Богарне, ни Латур-Мобур, ни Монбрен сделать уже не могли никак, ни с гвардией, ни без гвардии. Наполеон и маршал Бертье, с ним неотлучно бывший, это хорошо понимали. Но, конечно, авторам «патриотической легенды» и особенно маршалам очень хотелось изображать дело так, что, мол, русские уже

совсем погибали, и если бы не растерянность и внезапно напавшая на Наполеона «нерешительность», то блестящая победа была бы одержана. Если Наполеон, произнеся слова, которые ему приписывают, серьезно имел в виду, что вся его надежда на спасение его армии и, следовательно, спасение его мировой империи покоится только на неполных 20 тысячах гвардейских солдат, как на *последнем* резерве, то этим самым он вполне категорически признал бы себя уже совсем безнадежно побежденным. Если он (это ясно по многим признакам) и чувствовал, что события развертываются вовсе не так, как он о том мечтал, начиная атаку на позиции Багратиона, то уже после кровопролитного и неоднократного отбрасывания лучших французских корпусов прочь от флешей, он никогда не повторял бодрых слов о «солнце Аустерлица», якобы поднимающемся на Бородинском поле. Нет, вовсе не в гвардии было дело, и он знал, что, поскольку его основной целью был штурм русских позиций, разгром русской армии и обращение ее в паническое бегство, а целью Кутузова было победоносное отражение наполеоновских сил и сохранение русской армии в таком виде, что за нею оставалась бы возможность большей инициативы, которая за ней и была с того момента, когда русский полководец остановился на бородинских полях,— поскольку Кутузов *уже* победил, а он, непобедимый завоеватель, уже побежден. Что Бородино потребовало таких неслыханных жертв и что русские получили поэтому нужное время для восполнения этих потерь и перехода затем в победоносное контрнаступление,— этого Наполеон тогда еще не знал. Но и того, что было перед глазами у него, когда его лошадь ступала по трупам перед заваленной ими батареей Раевского, к которой он, подъезжал, этого было достаточно.

Тут вполне естественно коснуться и другого вопроса, тесно связанного с выдуманной легендой о том, будто русские были совсем разбиты, когда они отошли от Курганной высоты и люнета Раевского. Если бы это было так, то уж просто было бы непонятно, почему не русские прервали битву, а прервал ее именно сам Наполеон. Они отошли очень недалеко и, невзирая на потери и ужас пережитого, сохраняли и полный порядок, и дисциплину, и боеспособность, и по-прежнему были преисполнены гнева, мести и готовы были продолжать. Но Наполеон и все без

исключения маршалы сочли за благо отказаться от мысли сейчас же после взятия люнета повести новую большую уничтожительную атаку против отошедших, однако очень скоро приостановивших свое отступление русских. Разве когда-либо в долгой военной карьере Наполеона случалось, чтобы он вдруг, по своему желанию и решению, прервал битву, которую всерьез считал бы выигранной? Ведь кто, как не он, неоднократно ставил на вид своим генералам, что победа, не довершенная преследованием разбитого врага, не есть победа, и что сам он выиграл имевшее неизгладимые последствия сражение под Маренго 14 июня 1800 г. только потому, что в те самые часы, когда Вена была уже иллюминирована по случаю прибытия курьера с известием об австрийской «победе», Бонапарт оставался на поле боя и, дождавшись подкрепления, вконец разгромил австрийцев.

Почти тотчас же после отхода от Курганной батареи и устройства русских сил на новом месте загрела русская артиллерия. Нужно заметить, что смерть Кутайсова, молодого, предприимчивого, храброго военачальника, которому Кутузов доверил распоряжение всей артиллерией, по свидетельству участников боя, не дала развернуться артиллерии во всю мощь. Но во всяком случае эти последние часы Бородинского сражения нисколько не подтверждают свидетельств, безмерно преувеличивающих значение смерти Кутайсова. Трудно представить себе более великолепный образец артиллерийского боя, чем действия русской артиллерии от занятия французами люнета на Курганной высоте (батареи Раевского) вплоть до девяти часов.

Французская артиллерия была вынуждена просить подмогу, и начальник императорского штаба князь Невшательский (маршал Бертье) принужден был дать значительную часть орудий из гвардейских резервов. Бертье сделал это очень неохотно. Правда, на этот раз Наполеон никаких слов о «последнем резерве» не говорил, а просто объяснил, зачем ему нужно сохранить резервы: чтобы пустить их в ход для «решительного сражения», которое, как заявил Наполеон, Кутузов даст французам под Москвой. Граф Матье Дюма, генерал-интендант армии, вел этот разговор с императором именно уже вечером. Но так как русская артиллерия, ничуть не щадя снарядов, продолжала нещадно громить французские позиции, то волей-неволей прихо-

дилось отстреливаться. Мало того, стрельба с русских батарей становилась все оживленнее. Произошла при этой неутешительной для французов обстановке неприятная беседа между вице-королем Евгением и Бертье (Наполеон был уже далеко). Евгений решительно требовал новых и новых подкреплений из гвардейских артиллерийских запасов, а Бертье долго не давал, но все-таки вынужден был уступить.

Наполеоновские генералы, штабные офицеры, унтер-офицеры — люди, среди которых были побывавшие и в битве под пирамидами, и под Акррой, и под Маренго, и под Аустерлицем, и под Иеной, и в трехдневном побоище под Ваграмом, и в неслыханной по кровопролитию боине под Прейсиш-Эйлау, и под Фридландом, утверждали, что глаза их не видели никогда ничего более ужасного, чем Бородинское сражение. Больше всего их поражало полнейшее презрение к смерти и неистовое ожесточение русских солдат. Это ожесточение несколько не уменьшилось после окончания кровопролития. «По свидетельству неприятеля, [писал Михайловский-Данилевский] наши пленные были ужасно раздражены и ожесточены; вместо требуемых от них ответов, они произносили ругательства. Раненные дрожали от гнева, бросали на французов презрительные взгляды, отказывались от перевязки ран». Казаки всю ночь рыскали вокруг Бородина, пока Наполеон (а они отваживались довольно близко реять около его шатра) не снялся и не отошел от долины побоища. Он отступил первый, и никакие извращения и измышления французских шовинистически настроенных историков этого факта ничем затуманить не могут. Еще меньше можно отвергнуть и другой, несравненно более важный факт: полную неудачу основного плана Наполеона, с которым он вступил 26 августа (7 сентября) в бой и во имя которого он положил в этот день половину своей армии.

Наполеон приказал перестать отстреливаться от русской артиллерии и ускорить одновременно отход своих частей с поля битвы не только потому, что признавал и бесцельным, да и просто убыточным и небезопасным продолжать тратить снаряды против явно начинавшей брать верх русской дальнобойной артиллерии, но его под утро стали беспокоить и казацкие налеты на расположение французов. И он окончательно покинул роковое для него поле.

Казаки перед рассветом уже реяли так близко к императорскому шатру, что пришлось, по особому приказу, поставить, в конце концов, около него специальную охрану из солдат старой гвардии. Заметим, что всего два раза за всю войну старым казакам удалось поставить под угрозу личную безопасность императора: ночью после Бородинского сражения, перед удалением Наполеона с поля битвы, и второй раз после Малоярославца, когда внезапный казачий налет навел панику на окружение и император чуть-чуть не был взят в плен.

Маршал Бертье (князь Невшательский) был начальником императорского штаба и с самого начала вторжения в Россию не переставал считать этот акт величайшей ошибкой Наполеона. В Витебске, в Смоленске он настаивал на прекращении дальнейшего движения на восток. Он был, как мы знаем, вовсе не одинок: храбрец Мюрат, король неаполитанский, в Смоленске бросился на колени перед императором, умоляя его не идти на Москву. Но Бертье был наилучшим из всех наполеоновских сподвижников «знатоком карты» и лучше других мог оценить (и оценил) удачный для русских, но в высшей степени невыгодный, с точки зрения французских интересов, выбор Кутузовым местности для боя, так как закончить здесь битву конечным общим лихим налетом и быстрым разгромом русской армии оказывалось в этих условиях абсолютно невозможным. Мало того, зная в точности, что даже и выступление гвардии и резервов победы не даст, Бертье лучше, чем кто-либо, учитывал к концу дня, что с резервами не вполне благополучно, и что уже и в гвардии вовсе нет полных 20 тысяч человек, как в ней считали в начале боя. И Бертье, как и сам Наполеон, опасался (к вечеру бородинского дня), что русская армия вполне готова снова на каком-либо пункте между Можайском и Москвой дать новый бой, где уже придется без всяких лишних разговоров пустить в ход 17—18 тысяч гвардии и другие наличные резервы, кроме гвардии. Поэтому он и отказал вице-королю во всем, если не считать нескольких десятков пушек из резервов гвардейской артиллерии. Старые военные служаки, вроде Бертье или маршала Даву, и до Бородина и после Бородина, наблюдая действия русских войск, не скрывали своего любования порядком, исправностью, дисциплиной кутузовской армии. Даву не скрывал своего

восхищения, наблюдая русские войска именно на походе после Бородина. Печальным оком смотрел Бертье и на конец Бородинского сражения и на продолжение рокового наполеоновского предприятия...

Совсем другое настроение царило в лагере русских. Нет ни малейшего разноречия между всеми, кто наблюдал князя Кутузова в вечерние и первые ночные часы после конца битвы: он был полон радостного волнения, он держал себя так, как должен был держать себя человек, только что одержавший победу над опаснейшим противником, как должен был чувствовать себя полководец, спасший армию и спасший этим Россию. Такие настроения не поддельваются, да и в его окружении царили совершенно аналогичные. Лишь во второй момент наступило раздумье, заботы о ближайшем дне. Но и тогда сомнений в том, можно ли назвать русской победой то, что произошло в минувший день, не было.

Что же, разве старый полководец ошибался? Или ошибались его генералы? Или уцелевшие солдаты его армии? Нет, их правдивое чутье не обманывало их нисколько. Оно до такой степени их не обманывало, что Кутузов совершенно определенно говорил о возобновлении боя с утра следующего дня. Он поехал в деревню Татариново, где находился Барклай, и отдал ему устный приказ и тут же написал при Барклае и письменное повеление ему немедленно начать выполнять все нужное для возобновления сражения утром. Мало того: Кутузов желал возобновить бой именно на том месте, где он был прерван ночной темнотой и одновременно сказавшимся в обеих армиях утомлением: с подступов к Курганной высоте, т. е., другими словами, с занятой французами батареей Раевского, на которой с наступлением ночи уже не оказалось (после разведки) ни одного француза. Но вот, в 11 часов ночи, к Кутузову явился Дохтуров, который, восприняв от Коновницына командование остатками багратионовской армии, так и не сдвинулся до конца боя с Семеновских высот, как ему это и было приказано Кутузовым в момент его назначения. Как только Кутузову сообщили о приезде Дохтурова, он пошел к нему навстречу и громко воскликнул: «Поди ко мне, мой герой, и обними меня. Чем может государь вознаградить тебя?» Кутузов и Дохтуров ушли в другую комнату и остались наедине. Дохтуров подробно доложил о

тяжелых потерях не только на левом крыле, но и в центре. И Кутузов тотчас после доклада Дохтурова отменил свое распоряжение о «завтрашнем» сражении и приказал дать знать Барклаю, уже начавшему работы при Горках по сооружению «сомкнутого редута» (или люнета) вроде того, в который обращена была так называемая батарея Раевского. После получения нового повеления Кутузова Барклай уже от себя приказал Милорадовичу прекратить начатые работы по восстановлению разрушенного и занятого французами люнета на Курганной высоте. Мы видим, что уже предприняты были Кутузовым очень серьезные меры к возобновлению боя. Неприятелю, если бы он вернулся, пришлось бы снова вести тяжкий бой у двух укрепленных позиций, но на этот раз не у флешей и на Курганной высоте, а у двух люнетов — у нового, сооруженного ночью Барклаем, согласно первому ночному повелению Кутузова, и у старого, разрушенного днем и теперь, ночью, спешно восстанавливаемого 4-м корпусом Милорадовича. Но второе повеление Кутузова сразу же прервало все эти работы и у Барклая, и у Милорадовича, совершаемые ночью среди неумолкаемых стонов и криков раненых и хрипа умирающих.

На громадном поле уже в первые ночные часы не оставалось ни одного вооруженного (и не раненого) неприятеля. Наполеон отступил, уведя свою армию прочь от долины кровавого побоища. Он не достиг ни одной из поставленных себе целей: 1) не уничтожил русской армии и 2) из-за ужасающих, неслыханных потерь лишил себя возможности остаться на поле битвы, на новых позициях, для «завоевания» которых он положил в Бородинском сражении больше 58 тысяч человек, и поэтому явственно, на глазах своей испытанной в боях армии, своей никогда не расстававшейся с ним «старой гвардии» признал, что потоки французской крови были пролиты в этот день напрасно и что, очевидно, и для победоносного нападения на Кутузова, если он начнет отступать, сил уже не будет. Гвардейцы молчали, но маршалы и генералы роптали, хоть и за спиной повелителя. «Он забыл свое ремесло!» — говорили они, правда, исключительно в своем замкнутом генеральском кругу. В этом кругу они не досчитывались 49 товарищей. Лучшие генералы, вояки, служившие почти без отпусков при Наполеоне 18 лет, завоеватели Европы,

нали мертвыми или умирали от ран, когда их увозили с кровавых долин и пригорков Бородина. «Табуны» лошадей без всадников, поразившие воображение Михайловского-Данилевского, который впервые и употребил это выражение, свидетельствовали о страшных потерях кавалерийских корпусов, так долго, многократно и настойчиво налетавших на люнет («ужасный редут», как его называли французы). Русская конница, оборонявшая этот люнет (батарею Раевского), по свидетельству самих французов, теряла здесь несравненно меньше. Так обстояло дело с кавалерией. Далее: русские орудия, загремевшие после оставления батареи Раевского и после трехчасовой канонады заставившие замолчать и покинуть Курганную высоту, свидетельствовали не только об изобилии снарядов и прекрасной выучке артиллеристов, но и об исправности и могучей силе массивированного [огня] русских орудий. Так обстояло дело с артиллерией. А о том, как обстояло дело с пехотой, свидетельствовала многочасовая истребительная борьба в горже люнета и в самом люнете. Во всех воспоминаниях французов, переживших дело 7 сентября, сказывается содрогание ужаса, когда они повествуют об участии пехотных частей, которым приказано было, не считаясь с потерями, взять люнет.

Таковы были последние, заключительные моменты Бородинского сражения: русский солдат наблюдал воочию *именно в последние часы* сражения, что 1) кавалерия, 2) артиллерия и 3) пехота были на высоте.

И когда русская армия затем узнала (и увидела), что французы ушли ночью и на рассвете *первые* с кровавого поля, то никакое позднейшее хвастовство французских бюллетеней и французских историков не могло ни в малой степени поколебать ее убеждения, что победа в этот день одержана русскими и никем другим.

И никакая ложь неприятеля, никакие усилия недругов и клеветников и ненавистников Кутузова, русских и иностранных, никакая система извращений и замалчиваний со стороны как иноземных историков, так и некоторых представителей старой, буржуазной (и дворянской) школы не могли и не могут умалить великой заслуги русского солдата, русского командного состава и великого русского полководца в день Бородина.

Но главное, что потерял Наполеон в результате Бородинского сражения, это — стратегическую инициативу и возможность ее в эту войну вернуть. Если бы за два своих «успеха» Наполеон заплатил не такую ужасающую цену, какую он заплатил на самом деле, если бы он взял Багратионовы флеши и утвердился на них после первой, а не после седьмой (или, точнее, восьмой) атаки на них, причем флеши все время переходили из рук в руки и только в 11¹/₂ часов утра были окончательно покинуты Коновницыным, или если бы вице-король Евгений овладел Курганной высотой и люнетом (батареей Раевского) непосредственно или хотя вскоре после того, как ему удалось овладеть деревней Бородино, утром, а не в 4¹/₄ часа вечера, то он не положил бы тут большую часть своих лучших войск, т. е. 58¹/₂ тысяч человек убитыми и ранеными, которых он оставил на Бородинском поле (из 136 тысяч, которые утром вступили в бой), — тогда и только тогда он мог бы хотя пытаться бороться за инициативу. В том-то и дело, что Бородино, даже с точки зрения некоторых французов (не лгущих в интересах создания легенды, а желающих дать себе трезвый отчет о положении, сложившемся после боя), оказалось безусловно *поражением французской армии в точном смысле слова*, но вовсе не «нерешительным сражением», как его так долго именовали; известные сказанные Наполеоном слова, что в Бородинском сражении французы показали себя достойными победы, а русские показали себя достойными называться непобедимыми, весьма ясно показывают, что и он считал Бородино своей неудачей. В самом деле: ведь первая часть этой фразы говорит о том, что французы при Бородине сражались с блестящей храбростью, исполнили свой боевой долг не хуже, чем в Италии, в Сирии, Египте, в Австрии, Пруссии, где они одерживали под его водительством громадные по своему историческому значению победы, создавшие его всеевропейское владычество, — и французская армия, по его мнению, была *достойна* и на этот раз одержать победу. Была *достойна*, но не одержала! Вторая часть этой фразы не только правдива по существу, но и подводит знаменательный в устах Наполеона итог великому Бородинскому сражению. Русские под Бородином оказались *непобедимыми*. Наполеон был не только очень строг, но и крайне скуп в оценке врагов, с которыми встречался за свою дол-

гую боевую жизнь в трех частях света: в Европе, в Африке, в Азии и опять в Европе; он бился против многих наций. Но *непобедимыми* он назвал только русских и больше никого. В данном случае вражда политика, государственного деятеля умолкла перед невольным восхищением полководца-стратега.

Переходим от Наполеона к Кутузову.

Прежде всего инициатива сражения принадлежала Кутузову, так же как он взял на свою ответственность и окончательный выбор позиции. И эта избранная позиция оказалась в самом деле, как выходило из донесения Кутузова царю, лучшей из возможных в тот момент для Кутузова, чтобы дать бой. Все распоряжения Кутузова отмечены и перед боем, и во время боя глубокой продуманностью. Он затевает бой у Шевардина и дает этим возможность продолжить и закончить или почти закончить укрепление позиции у Багратионовых флешей на левом фланге и превратить к рассвету 26 августа (7 сентября) батарею Раевского в грозный «сомкнутый люнет». Кутузов прекрасно разгадывает мысль Наполеона, прямо рассчитанную на то, чтобы сбить русского главнокомандующего с толка: Кутузов, не оставляя укрепления центра и правого фланга и после жаркой схватки у деревни Бородино и взятия деревни вице-королем Евгением, даже усилив оборону,— в то же время постоянно командует посылать подкрепления на помощь Багратиону на левый фланг, еще до боя обильно снабженный войсками. Мало того: Тучков 1-й был поставлен им около Утицы («в засаде»), чтобы в нужный момент броситься на помощь к южной из трех флешей. Все это заставило Наполеона бороться в течение сражения и особенно до полудня разом на два фронта: на центральном фланге у центральной батареи (Раевского) и на левом фланге, где продолжалось сопротивление атакам сначала у флешей, потом у Семеновской возвышенности. В этих кровопролитных боях сломлена была превосходная французская кавалерия. Читатель встретит в литературе о Бородинском сражении частое упоминание о том, что к концу войны 1812 г. плохо подкованные лошади «большой армии» Наполеона гибли тысячами, так как совсем не справлялись с покрытыми снегом обледенелыми зимними дорогами, где скользили и падали на каждом шагу. Здесь нужно сказать, что уже в

начале и середине сентября, при чудесной летней погоде, где и в помине не было ни «мороза», ни «снега», ни «льда», в колоссальных кавалерийских боях у флеша, у Семеновского *, у Курганной высоты истреблен был цвет французской конницы. От рассвета дня 7 сентября до ночи того же дня, до сражения, кавалерия Наполеона — это одно, а *после* сражения — это нечто совсем другое. Конечно, бескормица, плохая ковка и вообще все последовавшие бедствия французской армии прикончили кавалерию при отступлении, где приходилось спешивать целые полки и бросать (как в четырехдневном бою под Красным) многоорудийные батареи на произвол судьбы за невозможностью организовать конную тягу; невознаградимые потери в Бородинском сражении французской конницы, оказавшейся в общем к концу сражения несравненно слабее русской, покончили с кавалерией, как с одной из основных сил армии, на которые Наполеон впредь мог рассчитывать. Заметим, что и в разгаре боя Кутузов в решительный момент, когда ему нужно было поддержать и левый фланг и центр, поручил именно русским кавалеристам Уварова и коннице Платова совершить придуманную им диверсию на левом фланге неприятельской армии; ликвидирован был этот крупнейший кавалерийский рейд вовсе не французской кавалерией, а приказом Кутузова, прервавшего по своим общим тактическим соображениям завязавшийся бой. Припомним забываемое всеми французскими и недостаточно оцененное некоторыми русскими авторами очень существенное и очень характерное обстоятельство, что увлекшийся и прочно себя почувствовавший Уваров позволил себе не сразу выполнить приказ о возвращении, и главнокомандующий принужден был повторить свой приказ и настоять на его выполнении.

Выше я уже сказал о поставленном, по личному распоряжению Кутузова, на юге левого крыла русских войск, в кустарниках и лесу корпусе Тучкова 1-го, что не было предусмотрено ранее составленной и уже розданной по армии диспозицией, и если это не принесло всей ожидаемой пользы, то только по вине Беннигсена. Ширина кругозора, свойственная великим полководцам, охватывала громадные растянувшиеся линии, и забота Кутузова о том,

---

* Главным образом у Семеновского оврага.— *Ред*

чтобы насколько возможно более русская армия была в состоянии с успехом выдерживать ожесточенные атаки на левом фланге и в центре, именно и породила посылку Уварова и Платова не к флешам и не в центр русского расположения (т. е. не к Курганной высоте), а на тылы левого наполеоновского фланга, где стояли резервы. Его распоряжение привело к тому, что смятение, причиненное внезапною и абсолютной неожиданностью кавалерийского нападения на этот далекий «тихий участок» французских линий, встревожило Наполеона, и он на целых два (точнее, на $2\frac{1}{2}$) часа приостановил атаку в центре и уменьшил наступление на левом фланге русской армии. А больше ничего в данный момент Кутузову и не требовалось от этой затеянной и вовремя прерванной демонстрации.

Если большая битва приводит к такому результату, что полководец (в данном случае Наполеон) ставит себе известную общую цель, приносит неисчислимые жертвы для ее достижения, даже кладет около половины всех введенных им в битву своих вооруженных сил и не только не достигает этой цели, но принужден, не весьма задерживаясь, уйти с поля боя перед лицом стоящего в строю и готового к бою противника, то можно ли назвать такой результат боя поражением этого полководца? Казалось бы, странно даже много спорить по этому поводу. Но ведь именно в таком положении оказался Наполеон вечером 7 сентября 1812 г.

Но проверим реальность и обоснованность этого утверждения, анализируя результаты великой битвы для русского главнокомандующего.

Основной целью Кутузова было разгромить, возможно более ослабляя, армию Наполеона, в то же время сохраняя как можно полнее боеспособность и маневренные возможности русских войск, их численность и их высокий моральный дух. Разгрома армии Наполеона в Бородинском сражении Кутузов, правда, не достиг, но французы потерпели страшные потери, отступили, уклонились от продолжения боя, принуждены были, уже не рискуя возобновить бой, отдать без попытки к борьбе все запятые ими уже ключевые позиции на поле битвы и искать более или менее безопасной позиции вне сферы действия русской артиллерии. Кутузов сохранил свою тоже понесшую

большие потери армию (около 42 тысяч человек против потерь Наполеона 58¹/₂ тысяч) в состоянии гораздо большей готовности к новому («на завтра») сражению, чем сохранил свою армию Наполеон *. Русский полководец сохранил за своей армией маневренную способность и сохранил инициативу. Другими словами: Кутузов очень успешно провел с нужными ему результатами ту оборонительную операцию, каковой с самого начала являлось для него и для его армии Бородинское сражение, а Наполеон проиграл совершенно безнадежно и неоспоримо тот наступательный бой, который он предпринял утром с определенной целью разгрома русских и от которого русская армия заставила его отказаться уже к 5 часам вечера, когда он, после взятия люнета, не посмел ни напасть на расположившуюся в нескольких сотнях шагов позади оставленного люнета русскую армию, ни даже пытаться привести к молчанию продолжавшие до полной темноты громить французскую позицию русские орудия. Французская артиллерия отстреливалась все более вяло и, наконец, смолкла и увезла свои пушки.

Так кончилась для Наполеона великая битва, которую он начинал, твердо надеясь превратить ее в новый Аустерлиц, в полный разгром русской армии. Неспроста он и помянул «солнце Аустерлица» еще рано утром, когда мчался на рассвете от Валуева к Шевардину.

Кутузовская артиллерия согнала прочь с Курганной высоты артиллерию Наполеона, кутузовская армия, при всех своих потерях, согнала армию французского императора (и его самого) ночью после битвы с Бородинского поля, даже не вступая в сражение, но только своим грозным близким присутствием, только явной готовностью затеять утром новое сражение, — готовностью, которую французы учли, наблюдая спешную ночную постройку люнета у Горок. Полная несокрушимость «третьей позиции» русской армии, которую стал создавать и укреплять Кутузов уже через час-полтора после оставления люнета

---

* После смерти Е. В. Тарле был опубликован т. IV сборника документов «М. И. Кутузов» (М., 1954—1955), где приведены ведомости потерь по 1-й и 2-й западным армиям и сводная ведомость по главной армии. По этим данным, русская армия потеряла 38,5 тысяч убитыми и ранеными (см. Указ. соч., т. IV, ч. I, стр. 210—218; ч. II, стр. 713). — *Ред.*

(батареи Раевского), обуславливалась не только тем, что быстро, организованно, успешно борясь с утомлением после такого дня, собирались со всех сторон в назначенные места уцелевшие части кавалерии и пехоты, и даже не наличием значительных резервов, но сознанием одержанного успеха. Это сознание в вечерние часы было особенно живо и могуче в русской армии, на глазах которой именно к концу дня отступала сначала артиллерия, а потом и вся армия Наполеона. Пруссаки Вольцоген, ловко делавший карьеру при русской армии, был послан Баркляем к Кутузову за распоряжениями. Нужно сказать, что Барклай обнаруживал в течение всего бородинского дня самое непоколебимое личное мужество и, как выше сказано, уже с вечера и ночью 26 августа стал на Горках строить новый люнет в ожидании боя. Но Вольцоген сделал свой собственный вывод и дал совершенно лживую оценку положения уже от своего собственного разума. Он заявил в самом пессимистическом духе о положении вещей. Кутузов хорошо изучил этот тип иностранных выходцев, для которых Россия была лишь местом, где легко получают чины и ордена. Главнокомандующий с гневом, очень повысив голос, ответил: «Что касается до сражения, то ход его известен мне самому, как нельзя лучше. Неприятель отражен на всех пунктах; завтра погоним его из священной земли русской».

Настроение великого русского полководца и в эти часы обозначившегося стратегического поражения Наполеона вполне гармонизировало, как и всегда, с настроением русской армии, которая уже к седьмому часу вечера стала стеной от Горок на севере, где она прикрывала дорогу на Москву, до леса к востоку от Утицы, где она прикрывала Старую Смоленскую дорогу в Москву. Такова была эта третья и последняя русская позиция Бородинского сражения. Это была не прямая, но ломанная в середине линия, начинавшаяся на севере 6-м корпусом, продолжавшаяся 4-м, затем 2-м и кончавшаяся на юге 3-м корпусом. Между 4-м и 2-м корпусами поместились разрозненные части, подошедшие от Семеновского. Эту длинную линию неприятель уже не пытался даже атаковать, а не то чтобы прорвать.

В Бородинском сражении русские потери были значительно меньше французских. У Наполеона погибла такая масса кавалерии, что с той поры она до конца войны никакой наступательной роли не играла и играть уже не могла (задолго до того момента в отступлении от Москвы, когда она вообще перестала существовать). Его пехота также пострадала жестоко, и из 58¹/₂ тысяч убитых и раненых наполеоновской армии, павших при Бородине, больше всего погибло пехоты. А русская «бесподобная пехота» (как ее назвал Кутузов) всюду, где дело доходило до штыкового боя, одерживала верх. Наконец, как сказано, русская артиллерия пустила в ход в сражении меньше половины тех орудий, какими располагала (несколько более 300 из 654)*. И проигрыш Наполеоном Бородинского сражения нагляднее всего обозначился тем, что артиллерия первая из всех частей наполеоновской армии начала свое отступление с поля боя под долгим истребительным огнем русской артиллерии, начавшимся вскоре после занятия французами люнета (батареи Раевского) и окончившимся уходом французов с поля боя.

Все это так бросалось в глаза современникам, что помимо сознательно враждебных Кутузову донесений о сражении, Александр, двор, Петербург, высшее общество, значительная часть дворянства обнаружили те чувства, которые позволил себе выразить ненавидевший Кутузова царь не сейчас после Бородина, а тогда, когда после потери Москвы счел для себя возможным уже не лицемерить: «С 29 августа не имею я никаких донесений от вас. Между тем 1-го сентября получил я через Ярославль от московского главнокомандующего (Ростопчина — *Е. Т.*) печальное извещение, что вы решились с армиею оставить Москву. Вы сами можете вообразить действие, какое произвело сие известие, а молчание ваше усугубляет мое удивление. Я отправляю с сим генерала-адъютанта князя Волконского, дабы узнать от вас о положении армии и о побудивших вас причин (причинах — *Е. Т.*) к столь несчастной решимости». А графу П. А. Толстому царь писал об этой «непонятной решимости», что он не знает, «стыд ли России она принесет, или имеет предметом уловить врага в

---

* По данным последних исследований, в сражении участвовала вся артиллерия. — *Ред.*

сети»³⁸. Так укорял Кутузова царь, сделавший все от него зависящее, чтобы уменьшить, а не усилить русскую армию, шедшую в бой...

После потери Москвы стал еще чаще повторяться многими недоуменный вопрос, почему же Кутузов, имея силы начать на другой день после 26 августа (7 сентября) новую битву, не начал ее, а предпочел в отмену первого своего распоряжения приказать отступить.

Ответ на этот вопрос дали события, не только тесно связанные с Бородинским сражением, но и логически из него вытекающие: Тарутино, Малоярославец, четырехдневный разгром врага под Красным, Березина, бегство Наполеона из Сморгони и полная гибель его армии.

Бородино, нанесшее непоправимые удары и численной силе и материальным ресурсам наполеоновской армии, оказалось в ходе событий необходимой предпосылкой именно к славному навеки, спасительному контрнаступлению Кутузова. И здесь ко всему уже раньше сказанному о тех преимуществах, которые оказались на стороне русской армии после битвы и которые оказали такую помощь ей и дальше, во время победоносного контрнаступления, должно отметить еще одно [обстоятельство], забывать которое значит не весьма много смыслить ни в замечательных русских достижениях в бородинский день, ни в окончательном, триумфальном успехе кутузовского наступления.

Сравним моральные результаты Бородинского сражения для солдат и офицеров армии Наполеона.

Мы уже говорили, что армия Наполеона по своим построениям не походила и не могла походить на бывшие армии французской революции, когда те боролись за самое существование революционной родины. Но теперь обратим внимание на другое. Ведь наполеоновское войско состояло далеко не только из французов, а в очень значительной части именно из «двунадесяти языков», т. е. из людей самых разнообразных племен и народов, которых он силком пригнал к Неману.

Достаточно вспомнить, кого пригнал Наполеон в Россию, чтобы, даже если не знать в самом деле совершившихся фактов, можно было предвидеть, как поведут себя пригнанные в Россию иноплеменники в его армии при первой же крупной неудаче. А ведь Бородино вовсе не было

первой неудачей наступательного похода Наполеона. Раевский, Неверовский, Багратион заставили французского императора уже после неудачи его авангарда под Валутиной горой пригласить генерала Тучкова 3-го довести до сведения Александра I о том, что он готов заключить мир. И это было еще среди «успехов». Уже к Бородину армия подошла полуголодной, и отступившие с Бородинского поля французские офицеры запомнили эту первую ночь, как «ночь голода», хотя, казалось бы, у них только что пережитые часы битвы должны были ослабить или даже изгнать все другие воспоминания.

Дисциплина в разноплеменной армии распатана была еще до Бородина, конечно, не в гвардии и не в кавалерийских корпусах Мюрата, не в образцовых пехотных полках Даву, Нея, вице-короля. Так это случилось далее — уже в Москве и во время отступления, но среди немцев (кроме саксонцев), среди пруссаков, среди голландцев, среди итальянцев распущенность, отсутствие повиновения, слабость и нарушавшие всякую дисциплину задержки в исполнении боевых приказов — все это проявлялось ежедневно и ежечасно. И чем больше начальство принуждено было молчаливым попустительством поощрять по существу грабеж, как единственное средство самоснабжения, так как обозы сначала запаздывали, а после Смоленска почти и не посылались догонять быстро наступавшие полки, постольку о настоящей, прежней дисциплине уже и речи не было, поскольку речь идет об иноплеменных представителях покоренных или вассальных народов. Дисциплина почти исчезла во французской армии не в Москве, а задолго до Москвы. А уже в ноябре после битв под Красным французская армия (если не считать гвардии) напоминала сбившуюся в кучу беспорядочную толпу.

Моральное состояние борющихся за спасение родины кутузовских войск и во время Бородинского сражения и после него представляло собой нечто совсем иное. Гнев на наглых грабителей, превращавших грабежами и поджогами все обитаемые дома по дороге от Витебска, а особенно от Смоленска в сплошное пожарище, ежечасное лицемерие всех неистовств — все это с каждым километром пути, проходимого отступающим русским войском, все более и более оскорбляло и раздражало зрелищем опустошаемой таким разбойничьим способом страны, и вместе

с тем все более наглядно показывало, что единственным спасением родины является бой не на жизнь, а на смерть. Под Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 г. русские сражались очень храбро, но того чувства, как в бородинский день, у них не было. Великая моральная победа над неприятелем и в день Бородина и в месяцы с начала подготовки к контрнаступлению, и потом при самом контрнаступлении была одержана русской армией, защищавшей родину, над немцами, итальянцами, над солдатами десятка других национальностей, которым приходилось проливать свою кровь за Наполеона, который отнял у них их родину. Не забудем, что Наполеон пригнал завоевывать Россию даже испанцев, страну которых он еще вовсе и не завоевал и братья которых в эти самые дни Бородина, Тарутина, Малоярославца вели в Испании свирепейшую народную войну против него.

Моральный перевес Кутузова и его солдат над неприятелем, будь то природные французские солдаты, шедшие на эту войну, как на приключение, сулившее успех и обогащение, или иноплеменные данники покорившего их завоевателя, этот моральный перевес Кутузова и его солдат над захватчиком и его пестрым, согнанным со всех концов Европы полчищем был, может быть, одним из самых могучих из всех преимуществ, которые дала бородинская стратегическая и тактическая победа русской армии и русскому народу. Стратегический замысел Кутузова после Бородина был ясен: при испытанных русской армией потерях и более чем вероятных подходах подкреплений к Наполеону нужно спокойно отойти на очень небольшое расстояние и на очень краткое время, там пополнить и «устроить» новую армию из оставшихся частей той, которая уцелела после битвы, присоединить подкрепления и двинуться в наступление на врага. И Кутузов знал, что его армия смотрит на положение дел так, что ей предстоит пополниться и отдохнуть и после перерыва возобновить и докончить свою победу. А для Наполеона, принимая во внимание его полководческую манеру и его интересы, конечно, надлежало (как и ждали многие) напасть на Кутузова снова либо вторично под Бородином, либо под Можайском, либо под Перхушковом, либо под Москвой, но непременно напасть, чтобы исправить бородинскую неудачу. Но он *не посмел* это сделать еще и потому, что его

армия, после Бородина уменьшившаяся почти вполтину, уже не так верила себе и своему вождю, как верила до Бородина. А ведь вера в Наполеона, в его звезду, в его непобедимость, в predeterminedенную всегдашнюю его конечную удачу постепенно исчезала. И в этом было моральное поражение нашествия. Не Бородину, а двухмесячному контрнаступлению суждено было покончить с армией Наполеона, но именно после Бородина наполеоновской армией стали овладевать сомнения, страх поражений, сознание проигранной войны! чего не было до той поры... Едва войдя в Москву, Наполеон ведет разговоры о мире (для передачи царю) с Тутолминым, пишет письмо Александру и уже не скрывает от своей армии этих новых унижительных попыток, как он старательно скрыл от нее в Смоленске свои разговоры с Тучковым 3-м. Зачем уж стесняться теперь в Москве солдат, которые жаждут мира не меньше, а может быть, еще более страстно, чем их император?

Вот в чем сказалась прежде всего великая моральная победа русской армии и ее вождя у Бородина, так естественно дополнившая их победу стратегическую и тактическую над неприятелем, который постепенно и неуклонно с тех пор шел к своей гибели. Первыми вехами этой дороги к смерти были Тарутино и Малоярославец.

Но это уже выходит за рамки моего очерка.

После повторных атак на Багратионовы флеши, а затем на Семеновское, после боев вокруг люнета Раевского французская кавалерия, побывавшая при Бородине, могла считаться *«совершенно уничтоженной»*, по точным словам генерала Груши, начальника 3-го кавалерийского корпуса, в письме, писанном 16 октября 1812 г. жене из Москвы, перехваченном по пути французской полицией в Вильне и попавшем в руки министра иностранных дел герцога Бассано (Марэ).

Артиллерия пострадала меньше кавалерии, хотя к концу сражения уже явно не в силах была выдерживать сколько-нибудь с успехом состязаний с русской артиллерией и ушла с поля боя к вечеру. Но судьба французской артиллерии тесно была связана с судьбой конницы: недостаток конной тяги стал ощущаться сейчас после Бородинского сражения очень жестоко.

Наконец, что касается пехоты, то о ее колоссальных потерях уже было сказано. И поэтому тут достаточно при-

помнить, во что обратилась наполеоновская армия после Бородина, чтобы незачем было слишком многоречиво объяснять, почему Кутузов не только *чувствовал* себя победителем, но и *был* победителем на самом деле, почему на глазах Наполеона, который уже и подумать не мог об атаке, русский главнокомандующий совершенно спокойно, не боясь ни обходов, ни прямых нападений, совершил свой знаменитый фланговый марш. Русская армия, понесшая значительные потери, хоть и гораздо меньшие, чем французская, увела свою боеспособную конницу и увезла вполне исправно свою артиллерию, что с большим спокойствием отметил наблюдавший за этим отходом русской армии маршал Даву. Успех флангового марша Кутузова был *первым* по времени стратегическим русским военным успехом после Бородинской победы. Он не был последним!

Русский полководец, которому суждено было своим контраступлением загубить неприятеля, шел готовить свою армию к предстоящим новым, окончательным победам. Его противник после своей бородинской неудачи подвигался навстречу новым, жутким, ужасающим поражениям.

И курьезно читать, как новейший французский историк Луи Мадлэн диву дается, вопрошая себя, почему Наполеон «после этой трудной и дорого доставшейся победы был более мрачен, чем позже, после больших поражений». Хочется объяснить ему эту «загадку»: да потому, что Бородино было вовсе не «победой», а именно поражением Наполеона, который, как проницательный стратег, как опытный полководец, наконец, как очевидец, видел и понимал результат Бородинского сражения гораздо лучше, чем его нынешний историк. Говорить во всеулышание Наполеон мог что угодно, провозглашать победу в бюллетенях и в официальных статьях поработенной им Европы он мог беспрепятственно, но сам-то он явно сознавал, как страшно ухудшилось положение его армии после Бородина и почему ему приходится, едва войдя в Москву, немедленно начать выпрашивать согласие на мир, приглашать Туттолмина, приглашать Яковлева, писать Александру письма, за которые тот не отвечает, посылать к Кутузову маркиза Лористона с ласковым личным сопроводительным обращением, в котором просит господа бога охра-

нять русского фельдмаршала («в своей святой и достойной милости»). Ему-то самому, одержавшему на бесчисленных полях битв столько настоящих побед, незачем было немедленно же после боя притворяться перед самим собой, будто Бородино было для него победой. Оттого-то он и был «мрачен». Это было, впрочем, лишь в первое время, попозже он оправился и уже нашел более политичным называть свое бородинское поражение — победой.

В Бородинском сражении Наполеон потерпел поражение прежде всего потому, что не достиг основной своей цели: не разгромил, не уничтожил, не обратил в бегство, не нанес кутузовской армии того сокрушающего удара, который уже не дал бы ей оправиться до конца кампании. А в данном случае, если бы Наполеону удалось нанести кутузовской армии подобный удар, то уже более чем вероятно, что он совершил бы шаг, на который до Бородина он решился после Смоленска в разговоре с пленным генералом Тучковым 3-м или в Москве, посылая с Яковлевым письмо Александру: он попытался бы войти с царем тотчас в мирные переговоры. Мы знаем, что в этом смысле и среди командного состава и в солдатской массе наполеоновской армии еще до сражения мечтали, что после «генеральной битвы» война после «несомненной» победы Наполеона быстро приведет к миру.

Но даже в самом сжатом виде воскрешая перед собой главные черты Бородинского сражения, мы видели, что не только никакого сокрушающего общего удара Наполеон русской армии не нанес, но должен был покинуть довольно поспешно поле битвы, очистив ночью все взятые им ценой колоссальных жертв позиции.

Мало того, даже овладение этими позициями в разгаре сражения не может назваться стратегическим успехом Наполеона. Занятие флешей, частичное овладение Семеновской высотой, отход Коновницына от флешей, борьба за Семеновское поле под водительством Дохтурова — все это все-таки не привело к полной ликвидации левого фланга, потому что, как велел Кутузов Дохтурову, назначая его на пост начальника левого фланга, — не очищать еще оставшейся в руках русских части Семеновской возвышенности, — так она и оставалась в руках Дохтурова до конца боя. И отчаянный бой против центра, сосредоточившийся вокруг Курганной высоты и особенно вокруг люнета (ба-

тарей Раевского), так и пришлось французам вести с 2 часов дня, еще не овладев окончательно Семеновским и не справившись с войском Дохтурова на левом фланге, потому что, уйдя от деревни Семеновское, русские остались в строю и боевой готовности за деревней.

Таков был «успех» французских атак в боях против 2-й (багратионовской) армии, стоивший громадных потерь лучшим кавалерийским и пехотным корпусам Наполеона.

Вторым «успехом» французов из тех двух, которыми похваляются французские историки (но гораздо меньше — французские генералы, бывшие в деле), является овладение батареей Раевского. Здесь, в бою, где развернулись в громадных размерах кавалерийские массы, отборные части пехоты и действовала многочисленная, прекрасно снабженная артиллерия, — три громадные атаки за люнет, который переходил из рук в руки, стоили французской армии не менее страшных жертв, чем перед этим Багратионовы флешы, но конечное взятие люнета (центральной батареи, батареи Раевского) решительно никаких стратегических выгод французам не дало. Русские отошли от Курганной высоты на ничтожное (с четверть километра) расстояние и сейчас же развернули мощный артиллерийский обстрел неприятеля, который почти умолк к 8 часам.

К сожалению, в рапорте Барклай де Толли Кутузову от 26 сентября 1812 г. конец составлен крайне неудовлетворительно и небрежно. Говоря о последних часах канонады, Барклай пишет: «Канонада продолжалась до самой ночи, но по большей части с нашей стороны и к немалому урону неприятеля; а неприятельская артиллерия, будучи совершенно разбита, даже совсем умолкла к вечеру». А затем, без малейших переходов, Барклай ни с того, ни с сего вдруг переходит к егерским полкам, которые оставались на крайнем правом фланге, и затем к гениально задуманному Кутузовым и мастерски выполненному Уваровым и Платовым маневру — нападению на тылы левого фланга Наполеона: «1-й кавалерийский корпус Вашей светлостью был отряжен на левый берег Москвы-реки и действовал на оном обще с иррегулярными войсками под начальством генерала-от-кавалерии Платова». В этом виде и упомянутое в самом конце рапорта без всякой в этом месте связи с предыдущим и последующим это замечательное событие,

спасшее в тот момент батарею Раевского в центре и облегчившее положение также на левом фланге, как-то почти совершенно пронападает для читателя, тем более что Барклай тут вместо Колочи по ошибке пишет о Москве-реке.

Но зато, обращаясь снова после этой не к месту сделанной и небрежно сработанной вставки к событиям кончающегося дня и начинающегося вечера 26 августа (7 сентября), Барклай дает драгоценнейшее доказательство того факта, что Наполеон проиграл Бородинское сражение и отчетливо это сознавал. «После окончания сражения, заметив, что неприятель начал оттягивать свои войска от занятых им высот, приказал я занять следующую позицию: правый фланг 6-го корпуса примкнул к высоте у деревни Горки, на которой устроена была батарея из 10 батарейных орудий и на коей, сверх того, предполагалось устроить ночью сомкнутый редут. Левый фланг сего корпуса взял направление к тому пункту, где стоял правый фланг 4 корпуса».

Другими словами: русские войска не только не отступили вечером с поля боя, но уже затеяли большие работы по превращению уже существовавшей на высоте у деревни Горки батареи в «сомкнутый люнет» вроде того, в который в прошедшую ночь (перед Бородином) главный инженер Богданов и его саперы превратили батарею Раевского. Это было в центре и на правом фланге. А в эти же часы начавшейся темноты Дохтуров на левом фланге собирал остатки пехоты 2-й армии, которая возвращалась теперь в те места, откуда ее выбили утром, и возвращалась под командой своего начальника Дохтурова, назначенного Кутузовым в преемники Багратиона. Образовалась прямая связь между 6-м корпусом, работавшим у деревни Горки, левым флангом 4-го корпуса, где стоял Дохтуров, и, наконец, 2-м и 3-м корпусами, которыми командовал Багговут, на южной части левого фланга, откуда он был после смертельного ранения Тучкова 1-го и Багратиона потеснен Понятовским. Образовалась связанная линия войск от Горок, где командовал Барклай на севере, до леса близ Утицы на юге. Когда читаешь фразу донесения Барклая Кутузову, где он говорит о Багговуте то, что уже сказано тут и о Дохтурове, и о построении люнета на Горках, то представляется, что неслыханный пожар, бушевавший с утра и сжегший столько десятков тысяч жизней,

мог в самом деле показаться случайно уцелевшим героям внезапно оборвавшимся сном: «...к вечеру Багговут занял опять все те места, которые им поутру заняты были».

Опять уже была палицо длинная линия пехотных войск с артиллерией, с возобновляемым уже новым (горецким) люнетом. Уже отдан был приказ Милорадовичу снова занять и Курганную высоту и разрушенную батарею. Но в 12 часов ночи прибыл приказ Кутузова, отменявший приготовления к завтрашнему бою. А к этому времени уже отдан был приказ Барклая о расположении позади линии корпусам кавалерии, а за кавалерией гвардейской пехотной дивизии и кирасирским дивизиям в качестве резерва.

Подведем итоги.

1. Нападении французов на русскую армию в ее *основной* позиции, несмотря на неслыханные потери, понесенные ими у Флешей и на Семеновской возвышенности (особенно во время трех последних атак, 6-й, 7-й и 8-й), не привело в окончательном счете к прорыву русского фронта, и отступившие от Семеновского оврага русские вооруженные силы оставались на Семеновском под начальством Дохтурова до конца сражения.

2. Атаки в центре и на правом фланге, а также и на левом фланге на Семеновской возвышенности хоть и позволили французам ценою вознаграждаемых жертв овладеть люнетом на Курганной высоте (батареей Раевского), но тоже нисколько не увенчались прорывом русского фронта: русские, отойдя приблизительно на полкилометра от взятого французами люнета, остановились позади в порядке и в боевой готовности.

3. Наконец, русскую армию в ее последней позиции, созданной Кутузовым около 6 часов вечера, Наполеон атаковать уже не решился, и она оставалась в боевой готовности вплоть до ухода французов под покровом ночной темноты с поля боя, после того как русская артиллерия заставила замолчать орудия неприятеля.

Отрицать при этих условиях победу кутузовской тактики над тактикой наполеоновской в Бородинском сражении значит не желать считаться с очевидностью.

Кутузов вводил от Бородина большие резервы, с которыми он мог бы возобновить бой. Но он решил окончатель-

но, что выберет срок и место нового боя там и тогда, когда найдет наиболее выгодным.

Вот что писал главнокомандующий Ростопчину 27 августа 1812 г.: «Сражение вчерашнего числа, с утра начавшееся в 4 часа и продолжавшееся до самой ночи, было кровопролитнейшее. Урон с обеих сторон велик, потеря неприятельская, судя по упорным его атакам на укрепленную нашу позицию должен наш весьма превосходить.— Войска сражались с невероятною храбростию; батареи переходили из рук в руки, и кончалось тем что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли со всеми превосходными силами. Ваше сиятельство соглашась что после кровопролитнейшего и 15 часов продолжавшегося сражения наша и неприятельская (так — *Е. Т.*) не могли не расстроиться, и за потерю сей день сделанного позиция прежде занимаемая естественно стала обширнее и войскам неместная по тому когда дело идет не о славах выигранных батальей, но вся цель, будучи устремлена на истребление французской армии,— (то — *Е. Т.*) почевав на месте сражения я взял намерение отступить 6-ть верст что будет за Можайском и собрав войски, освежа мою артиллерию и укрепив себя ополчением Московским в теплом уповании на помощь всесильного и на оказанную невероятную храбрость нашего войска увижу что я могу предпринять противу неприятеля...»³⁹

Смысл письма совершенно ясен. Отступление необходимо для дальнейшей, единственно важной цели, а «вся цель» — это «истребление французской армии». Кутузов знает, что вчерашнее сражение — верный шаг по пути к этой цели. Предвидя, что люди, вроде того же Ростопчина, будут корить его за то, что он сделал, не пожелав немедленно возобновить бой, Кутузов явно подчеркивает, что важны не победоносные режии, что «дело идет не о славах выигранных только батальей», а именно об этой будущей цели полного истребления врага, которую он себе поставил, когда принял по воле народа и армии пост вождя русских вооруженных сил. Когда он отправлял Ростопчину свое письмо, он уже начал отвод армии туда, где она должна была подготовиться к великому контрнаступлению, которому суждено было покончить войну истреблением врага.

Бородинское сражение не получило непосредственно достойной оценки и не встретило полного понимания ни в России, ни за границей. В России народ инстинктивно почувствовал, что Кутузов нанес жестокий удар неприятелю. Известие о Бородине вызвало большое ликование в Петербурге, на армию и ее вождя посыпались поздравления и награды. Но отступление от Москвы изменило все. Царь, всегда не любивший Кутузова, а за ним весь двор и высшее общество, признали со слов врагов главнокомандующего (вроде Беннигсена, Вольцогена, Виццегероде и др.) Бородино поражением. Лишь по мере того, как развертывалось победоносное контрнаступление, истинное значение великого сражения и его последствий стало признаваться сколько-нибудь справедливо.

О Западной Европе нечего и говорить. Лживые бюллетени наполеоновского штаба произвели во Франции, в Польше, в Германии, Австрии, Италии то впечатление, на которое они были рассчитаны. В Англии, где понимали, что британские интересы находятся в игре и зависят от русских побед, тоже долго верили все-таки сначала хвастовству и лганию польской и французской прессы. Впоследствии западная историография, изучая Бородино даже не только по бюллетеням, но и по документам военных архивов, пролила некоторый свет на историю сражения, но все-таки в подавляющем большинстве случаев не отказалась от старой лжи и продолжала повторять, что Бородино было победой Наполеона. Для образчика того, как до сих пор оценивается Бородино, достаточно привести два новейших примера Мадлена, автора 15-томной «Истории консульства и империи», который, даже пользуясь кое-какими русскими источниками и сиюсь делать вид, будто сохраняет некоторое «беспристрастие» (когда говорит, например, о беззаветной храбрости и патриотизме русских войск), все-таки «нелепо негодует» на Кутузова, укоряя его за то, что русский фельдмаршал называет Бородинское сражение русской победой. А английский историк Томпсон в вышедшей в 1952 г. книге «Наполеон Бонапарт» повторяет те же старые рассказы о Бородине⁴⁰.

Но для тех, кто в самом деле изучал Бородино, давно уже стало ясно, до какой степени эта победа русской армии и русского народа должна навеки остаться одним из

величавых памятников русского патриотизма, русского героизма и полководческого искусства.

В наши дни, когда после позорного провала гнусной фашистской орды мы наблюдаем упорные старания англо-американского хищнического империализма какими угодно мерами воссоздать вновь такую же орду и вдохновить ее на новые злодеяния, особенно отрадно вспомнить о великом русском подвиге, нанесшем 140 лет тому назад тогдашнему претенденту на мировое владычество такой сокрушительный удар.

1952 г.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ Б е л и н с к и й. *Сочинения Александра Пушкина, статья четвертая*. В кн.: Б е л и н с к и й В. *Собрание сочинений в трех томах*, т. III. М., 1948, стр. 337—338.

² *Записки Алексея Петровича Ермолова*. Приложения. М., 1863, стр. 106—111. Письмо Ермолова Багратиону.

³ Письмо И. П. Оденталю к А. Я. Булгакову. С.-Петербург, августа 16-го 1812 г.— *Русская старина*, 1912, № 8, стр. 170.

⁴ Кутузов — Ростопчину. 27 августа [1812 г.]. № 71.— *Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества*, т. II. Материалы по Отечественной войне. М., 1912, стр. 12—13. (В цит. изд. 1912 г.— неточность: «не о словах выигранных только баталий». Исправлено по кн.: М. И. Кутузов. *Сборник документов*, Т. IV, ч. I. М., 1954, стр. 155.— *Ред.*).

⁵ *Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов*. [М.], Госполитиздат, 1947, стр. 159, № 119. Диспозиция для 1 [-й] и 2 [-й] Западных армий, расположенных при [еле] Бородине.

⁶ Там же, стр. 151—152, № 111. Указ. прав. сената А. И. Горчакову о назначении М. И. Кутузова главнокомандующим всеми армиями. 8(20) августа 1812 г.

⁷ Там же, стр. 158, № 118. Сообщение М. И. Кутузова генералу П. Х. Витгенштейну о посылке ему подкреплений. 23 августа (4 сентября) 1812 г.

⁸ Там же, стр. 154—155, № 115. Письмо М. И. Кутузова командующему 3-й Западной армией генералу А. П. Тормасову о плане совместных действий объединенных армий. 20 августа (1 сентября) 1812 г. дер[евня] Михайлово.

⁹ Х а р к е в и ч В. *1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников*. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба, вып. 2. Вильна, 1903, стр. 112.

¹⁰ «Полковые музыки разыгрывали военные марши, напоминавшие... первые походы революции... когда дрались за свободу. Тут же эти звуки не одушевляли воинов, а некоторые старшие офицеры *посмеивались*, сравнивая обе эпохи», — так вспоминает о бородинском дне французский гвардейский полковой врач д-р Делафлиз. (Д е л а ф л и з. *Поход Наполеона в Россию в 1812 году*. М., Образование, б. г., стр. 32.— *Ред.*).

¹¹ ЦГАОР, ф. Зимнего дворца 728, он. 1, д. 359, ч. III, л. 116—116 об. Лагарп — Александру I. 22 февраля 1812 г.

¹² *Фельдмаршал Кутузов*. Указ. изд., стр. 157, № 117. Донесение М. И. Кутузова Александру I о позиции при Бородине.

¹³ Тарле Е. В. *Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат*. — *Вопросы истории*, 1952, № 3, стр. 34—82 (см. наст. изд., т. VII, стр. 763—831.— *Ред.*).

¹⁴ N a p o l é o n I. *Correspondance*, t. XXIV. Paris, 1868, № 19176, p. 203—204. Napoléon — Bertin, prince de Neuchâtel et de Wagram. 3 septembre 1812.

¹⁵ ЦГАОР, ф. Зимнего дворца. 728, д. 900, лл. 56 об.—57. Бородино. Из войны 1812 года. Рассказ очевидца. Подпись: Военный инженер генерал-лейтенант Богданов 2-й.

¹⁶ Там же, лл. 2, 9.

¹⁷ Там же, лл. 3 об., 4, 29 об.

¹⁸ Там же, лл. 4—4 об., 5 об.

¹⁹ Х а р к е в и ч В. Указ. соч., вып. 1, стр. 15, 17—18.

²⁰ Г е р у а А. *Бородино (по новым данным)*. СПб., 1912, стр. 45—46.

²¹ Книга Бутурлина «Военная история русской кампании» вышла сначала на французском языке в Париже в 1824 г., а много лет спустя была издана на русском языке. Сохранилась неполная часть рукописи этого труда, сильно отличающаяся от печатного текста (Отделение рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде). См. B o u t o u r l i n. *Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812*, t. 1. Paris, 1824, p. 333—336.

²² *Из воспоминаний Н. И. Андреева*. — *Русский архив*, 1879, № 10, стр. 191—193.

²³ ЦГАОР, ф. Зимнего дворца 728, оп. 1, д. 900, л. 11 об. Бородино, цит. рукопись.

²⁴ Там же, л. 19—19 об.

²⁵ Там же, л. 8—8 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Михайловский-Данилевский. *Описание Отечественной войны 1812 года*, 3-е изд., ч. II. СПб., 1843, стр. 235—243.

²⁸ Липранди И. П. *Война 1812 года*. Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам...» М., 1869, стр. 60—65. (Книга Липранди посвящена очень жестокой критике трехтомной работы генерала М. Богдановича).

²⁹ Глинка С. *Записки о 1812 годе первого ратника Московского ополчения*. СПб., 1836, стр. 253—254.

³⁰ Михайловский-Данилевский. Указ. соч., стр. 242.

³¹ Харкевич В. Указ. соч., вып. 1, стр. 126.

³² ЦГАОР, ф. Зимнего дворца 728, оп. 1, д. 900, л. 41. Бородино, цит. рукопись.

³³ Там же, л. 34.

³⁴ Его светлости Главнокомандующему всех армий господину генерал-фельдмаршалу и кавалеру князю Голицыну-Кутузову генерала Барклая де Толли рапорт. Калуга, сентября 26 дня 1812 года. *Отечественная война 1812 года*, т. XVIII. СПб., 1911, стр. 134—138.

³⁵ Глинка Ф. *Очерки Бородинского сражения*. (Воспоминания о 1812 годе), ч. II, М., 1839, стр. 94—95.

³⁶ Четков В. М., генерал-майор артиллерии. *Бородино*.— *Артиллерийский журнал*, 1942, № 4, стр. 35—42.

³⁷ Любеньков Н. *Рассказ артиллериста о деле Бородинском*. СПб., 1837, стр. 48—52.

³⁸ *Фельдмаршал Кутузов*. Указ. изд., стр. 181—182, № 134. Рескрипт Александра I М. И. Кутузову 7(19) сентября 1812 года; письмо Александра I к П. А. Толстому цитируется здесь по факсимиле, приложенному к кн.: Белокуров С. А. *Письмо императора Александра I графу П. А. Толстому по поводу оставления кн. Кутузовым Москвы* (8 сентября 1812 г.). М., Изд. Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1913.

³⁹ Кутузов — Ростопчину. 27 августа [1812 года], № 71.— *Труды Московского отдела русского военно-исторического общества*, т. II. Материалы по Отечественной войне. М., 1912, стр. 12—13. (См. примечание 4.— *Ред.*).

⁴⁰ Madelin L. *Histoire du Consulat et de l'Empire*, t. 12. Paris, Hachette, [1949], p. 199; Thompson J. M. *Napoleon Bonaparte, his rise and fall*. Oxford, Blackwell, [1952]. IX, 411 p.— *Ред.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошло 150 лет после окончания Отечественной войны 1812 года. В этой войне народы России отстаивали честь, достоинство и национальную свободу своей Родины. Одним из центральных событий Отечественной войны 1812 г. явилось Бородинское сражение. Оно ярко продемонстрировало героизм, мужество и храбрость русской армии. В этом сражении со всей силой проявился патриотизм нашего народа.

Исторический опыт учит, что народ является непроборимой силой, когда его национальной свободе угрожает опасность, когда враг покушается на его независимость.

За 150 лет написано большое количество работ, с различных позиций рассматривающих место и значение Бородинского сражения в Отечественной войне. Объективной оценке этого важнейшего события 1812 года дворянским и буржуазным историкам мешало многое: и их порочная классовая методология, и влияние зарубежной историографии, особенно французской, и недостаточная источниковедческая база. Все это привело к противоречивым и зачастую неправильным оценкам великого сражения.

Советская историография, вооруженная марксистско-ленинской методологией, дает объективную оценку этого исторического события. Важную роль в этом отноше-

нии сыграло введение в научный оборот основных документов и материалов.

Публикуемая впервые отдельным изданием брошюра Е. В. Тарле «Бородино» написана им в 1952 г.

С присущей ему широтой и блеском автор решает поставленные вопросы о месте и значении Бородинского сражения в войне 1812 года, рассматривая его в связи с общим стратегическим планом М. И. Кутузова. С большой глубиной дан разбор военных действий обеих армий, подводящий к верному выводу, что Бородино «... являлось великой стратегической, тактической и моральной победой русской армии и ее полководца...», предпринявшей разгром наполеоновской армии.

Брошюра Е. В. Тарле, несмотря на несомненные ее достоинства, отражает состояние и уровень исторической науки конца 40-х — начала 50-х годов. Ей, подобно другим работам того периода, присущи отдельные недостатки в трактовке ряда проблем Отечественной войны 1812 г. (идеализация роли полководцев в войне, недостаточное внимание к борьбе крестьян против помещиков во время войны и др.).

Книга академика Тарле несомненно послужит общему делу воспитания в советских людях патриотизма и любви к героическому прошлому нашей отчизны.

**Евгений Викторович
Тарле**

БОРОДИНО

*Утверждено к печати редколлегией
научно-популярной литературы
Академии наук СССР*

Технический редактор *Т. П. Поленова*
Корректоры *Л. С. Аვაпова, Г. И. Длугач*
Обложка художника *Н. А. Савенко*

Сдано в набор 18/VIII 1962 г.

Подписано к печати 23/VIII-1962 г. Формат 84×108^{1/2}₃₂
Печ. л. 3. Усл. печ. л. 4,92 Уч.-изд. л. 4,7 Тираж 125000
(I завод 1—75000)

Изд. № 1448. Тип. зак. № 1053

Цена 30 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10